

Николай Берг

Эпоха мёртвых

Ночная смена
Мы из
Кронштадта 4

Мир «Эпохи мёртвых»

Николай Берг

Мы из Кронштадта. Том 4

«1С-Паблишинг»

2026

Берг Н.

Мы из Кронштадта. Том 4 / Н. Берг — «1С-Паблишинг»,
2026 — (Мир «Эпохи мёртвых»)

Здесь размещено то, что является продолжением уже опубликованного романа «Мы из Кронштадта. Подотдел коммунхоза по очистке от бродячих морфов». Прошел первый ужас. Удалось выжить в зомбоапокалипсисе. Угроза осталась и она меняется, зомби оказались тоже эволюционирующими, в живым надо устраивать свое дальнейшие житие. И сложностей все больше и больше. И они такие, что раньше бы и в голову никому не пришло. Думаете стало жить легче? Ну да, как же. Черта вам лысого!

Содержание

Глава 1. Венерины угрозы	5
Глава 2. Теория и практика тыринга	10
Глава 3. Трофеи с историей	15
Глава 4. Команда лекаря. Мужские разговоры	20
Глава 5. Команда лекаря. Политика – какая она есть	25
Глава 6. Вляпался!	30
Глава 7. Сюрва Ирина. «Кого знаешь на раене?»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Николай Берг

Мы из Кронштадта. Том 4

Глава 1. Венерины угрозы

Давно замечено: как только напряжение и опасность спадает – мужики очень не против потрепаться.

И горячий чай этому очень способствует.

Даже лучше, чем водка.

Наверное, еще и потому, что водку можно нервно хлебать и в пиковой ситуации, а чай – это всегда признак отдыха и благоденствия. Наспех чаевничать не выходит.

Штурм Ропши завершен практически, противник выбит и только очень малой частью удрал.

И потому вполне охота потрепаться. Сбросить пар.

– Кстати, насчет брака, – продолжает Енот, ерзая задом по теплой броне танка. – А что это последнее время пошла какая-то суeta насчет вензаболеваний? И мы, как очумелые, таскаем то реактивы, то лекарства, и слухи всякие. Это все к чему? Вот людоедов расколотили – это хорошо, а что еще за напасть? Это что, уже и поджениться нельзя, судя по всему слышанному? Вот пронзит меня какой очумелый Амур в самое это самое ядовитой стрелой – ан оно и смертельно.

– Ну, за все надо платить...

– Это да. Но я слыхал, что сейчас дежурный трихомоноз приводит к весьма печальной инвалидизации. Или мне не то рассказали?

– Всякие социальные катастрофы всегда приводили к росту вензаболеваний, ничего нового. И раньше то же самое было. Недалеко ходить – когда наши войска в Великую Отечественную стали освобождать ранее оккупированные территории, то столкнулись с европейским подарочком.

За 1943 год с вензаболеваниями госпитализировано более 800 000 военнослужащих, основные потери пришлось на период массового освобождения оккупированных территорий. Такие потери заставили ГКО принять решение о массовом запуске в производство «изделия номер 2». Председательствующий на заседании ГКО Булганин спросил представительницу завода резинотехнических изделий: «Указанная в технической документации прочность 1 кг на квадратный сантиметр – это достаточная?» Весьма молодая и симпатичная инженер-химик выдала ироничный ответ, что ни один мужчина не способен создать такое давление.

Ей самой будет интересно познакомиться с мужчиной, который сможет развить большее усилие. Тем не менее, из войск шли претензии о недостаточной прочности «изделия номер 2». Поэтому с февраля 1945 года промышленность начала выпускать «модернизированный» вариант, – выдает Павел Александрович историческую справку.

– Это так, но я о другом. Я слыхал, что сейчас не только стало много этой хвори, но она и идет иначе, – мотает головой Енот.

– Гм... Ну, вообще-то последние лет двадцать дали взрывной рост вензаболеваний, это верно. И моральная распушенность, и реклама того, что трахаться надо везде и со всеми и перепихнуться неизвестно с кем – это кульно, и анонимное платное лечение, и полное отсутствие профилактики...

– Ты лекцию-то не читай. Не в сельском клубе, – обрывает меня Енот. – Ты лучше поконкретнее.

– Ну, а поконкретнее... При проклятом СССР вензаболевания были, в основном, у асоциальных личностей. Потому как в вендиспансерах работали такие лекаря, что куда там Шерлоку Холмсу. И разматывали всю цепочку зараженных, нередко имея информацию типа: «Красивый шатен, зовут то ли Вадик, то ли Эдуард, познакомились в трамвае номер восемь. А любовью занимались в скверике, где пивная».

И пролечивали соответственно. До полного излечения, подтверждаемого анализами. Ясен пень, найти больную гонореей студентку – это надо было постараться. А когда лечат за деньги, то, ясное дело, идет раскрутка, как пьяного в ресторане на всякие анализы ненужные, но дорогие, а вот лечение – «одним уколом», за одно посещение. А это дает положительную динамику максимум в 60% случаев. Зато симптоматика забивалась, и все спокойно катило в хронь...

– Слушай, я тебе и не такое могу рассказать. Ага, я читал, что так сифон во время Отечественной лечили: когда наши от немцев начали освобождать страну, в наследство от цивилизованных европейцев досталась вспышка венерических заболеваний.

Пенициллин еще не поступал – он чуть позднее пошел, а доблестных бойцов и командиров, намотавших на конец нехорошую болезнь, лечить надо было. Заболевшим в госпиталях кололи скипидар или молоко в задницу, только не стакан, естественно, поднималась температура тела до 40 градусов, а чтобы пациент не загнулся от мышечных судорог, пациентов собирали в колонны и гоняли быстрым шагом под конвоем нескольких злых санитаров с дубинками.

Причем почти сутки. А чтобы пациенты втихаря не слиняли во время оздоровительного забега, их гоняли в одном исподнем. Если пациент обладал здоровым сердцем, то через сутки он выздоравливал, одновременно обретая стойкое убеждение о пользе воздержания. Читал, что начальник одного из госпиталей был со своеобразным чувством юмора: венбольных он разбивал на две роты, и в одной укол делали в левую ягодицу, а в другой – в правую.

А потом для выздоравливающих он устраивал регулярные строевые занятия, чтоб булки не расслабляли и в городе поменьше шарились, причем во время марша одна рота дружно хромала на левую ногу, а вторая – на правую. Но я-то тебя не байки спрашиваю или как при советах хорошо было, я тебе вопрос задал конкретный: правда ли, что течение болезни изменилось?

– Видимо, так. Симптоматика изменилась, скорость проявления первых признаков увеличилась при гонорее и трихомониазе. Отмечено несколько случаев, когда уже через несколько часов после полового акта начинался «гутенморген» – это когда капля из уретры выделяется и писать больно.

Самое паршивое, что имеется какая-то связь трихомониаза с анаэробами. Два случая молниеносной гангрены полового члена и три скоропостижные смерти от сепсиса у дам говорят, что течение болезни изменилось. И у коллег, с которыми связь есть – то же самое отмечают. Тут пока непонятно, чего ожидать, но само по себе паршиво. Отсюда и суэта. С другой стороны, раньше и сифилис был моментальным, а сейчас стал куда как длительным.

– Ослабел? – интересуется Енот.

– Нет, скорее изменился. Нет смысла уже бороду отпускать.

– Это ты о чем?

– Да просто когда сифилис широко распространился в Европе (опять же, войны и шлюхи, сопровождавшие армии, помогли), довольно быстро обнаружилось, что при этой хвори выпадают волосы. Причем не сплошняком, а очень специфично – очажками. Сыпь при вторичном сифе не очень-то и разглядишь, а вот выпадение волос – как говорится, налицо. Потому борода, усы и шевелюра как раз говорили о здоровье человека. Волосат – значит, здоров.

– Интересно, парики в моду из-за этого вошли? – вдруг интересуется Павел Александрович.

– Честно признаться – не думал. Равно как и бороды в России тому ли причиной были. Черт его знает...

– И что, в России тоже болели? – интересуется Енот.

– А что мы – рыжие? Вон известный Радищев...

– Который из Петербурга в Москву?

– Он самый. Подцепил в Валдае сифон, жену заразил, потому дети у него родились уже больные. В Валдае было гнездо секс-бизнеса, разврат там царил, да. Но сейчас как раз с сифилисом проблем не много – если выявили, то вылечить не вопрос, хотя толковали коллеги, что встречался за последние годы не то что первичный или вторичный, а уже и с костным поражением... Но дело не в сифилисе. Тут, скорее, проблема с трихомонадами. Они простейшие жгутиковые, могут забраться весьма далеко и глубоко, да еще в придачу с ними отлично симбиотируют другие бактерии.

Диагностировали, к примеру, гонорею, пролечили. Вдруг – бац, рецидив. И никаких половых контактов не было. Оказалось, гонококки могут отсидеться в недиагностированных трихомонадах и потом десантироваться, дав новую волну и заменив убитых лечением товарищей своих. А тут, видно, и анаэробные бактерии приют нашли и вместе вот такое выдают.

В общем, крайне неприятно. Потому, скорее всего, в ближайшем будущем вернуться придется к злобным тоталитарным методам диагностики, лечения и профилактики вензаболеваний, растоптав личную свободу самовыражения и частную жизнь... Но лично мое мнение – давно пора. Социальные болезни штука такая – не всегда можно провести границу между болезнью и преступлением.

– С наркоманией сравниваешь?

– И с ней тоже. Если девка или парень из чувства мести старается заразить как можно большее число партнеров – это уже не болезнь, так?

– Не знаю, – пожимает плечами хромой.

– Ладно, бог с ними, с моральными аспектами – вот, не объясните ли вы мне, почему вирус не лечится антибиотиками? Мне это и раньше было непонятно, да как-то не случалось момента спросить, да как-то и не у кого было, начали бы зубоскалить, – спрашивает Павел Александрович.

– Меня другое интересует: делать-то что надо, учитывая такие новости? Это что ж теперь – и никаких половых сношений? – удивляет меня своим вопросом Енот.

– Ну, проще ответить на последний вопросец. Тут все более-менее ясно... – начинаю я, но хромой обрывает меня ехидным замечанием:

– Ты забыл подпустить патетики, пафоса и говорить все ханжеским голосом. Я тебе что, деточка ясельная? Понятно же: один презерватив, на него второй, потом третий, посыпать стрептоцидом, просмолить, обернуть брезентом и сверху еще презерватив, а главное – никаких половых сношений! Как же, и до тебя разъясняли. Или стакан воды утром. Вместо.

– Не совсем так. К слову, последний твой бородастый анекдотец вообще-то про контрацепцию. Но в целом не совсем так. Если человек здоров, то он – здоров. Потому ежели завел знакомство – ненавязчиво уточни, каковы результаты анализов, – отвечаю я сущую правду.

– А как же бурная любовь? Чувства, наконец? Это ж получается прямо как при кастинге порноактеров – со справками, анализами и прочим. Ты как это представляешь – я, значит, влюбляюсь и давай у ангела небесного анализы требовать? Раньше знал, что вы, лекаря, с шерстяным сердцем и косматыми чувствами, но чтоб настолько! – делает бровки домиком Енот.

– Ну, риск в любовных делах всегда был. Или муж поколотит, или жениться заставят, или с балкона навернешься. Но ничего иного не придумали – либо выбирай себе девственницу, либо собирай анамнез и анализы. Хотя, честно говоря, с девственницами тоже не все просто. Делали у нас, помнится, одной девственнице аборт – она из южанок была, себя-то блюла, но позволяла альтернативные варианты, вот капелька спермы и попала не туда.

Ну, и нашелся среди сперматозоидов какой-то прямо Марко Поло, умелый путешественник. Выскребли этого хитрована по ее настойчивым просьбам. Да и восстановление девствен-

ной плевры у нас гинекологи делали влегкую. Так что я все же склоняюсь к анализам. Нам, тем более, по благу сделают быстро и правильно, – пытаюсь я утешить погрустневшего Енота.

– Ты разбил мое сердце, наплевал в идеалы и прошелся по их остаткам в грязных сапожищах, – не поддается хромой утешениям.

– Ну, я пытался. А вам, Павел Александрович, мне трудно объяснить разницу между вирусом, бактерией и простейшим жгутиковым. Можно сказать, что вирус – кусок ДНК, формально его даже живым многие не признают, нанобот как бы. Кусок информации, готовый к размножению за счет живой клетки, отчего клетка нарежет дуба и развалится, а из ее материалов получится много таких же вирусов. Бактерия – как раз уже живой организм, клетка с набором всего положенного, да и крупнее она вируса гораздо.

А простейшее – еще крупнее, так что бактерии могут в простейшем прятаться. И тоже отличается от бактерии. В итоге то, что действует на простейшее, не работает против бактерии; то, что действует на бактерию – не помогает против вируса; а то, что помогает против вируса, не катит против бактерий и простейших. Вирус гробит клетку так же, как когда осы в гусеницу яйца откладывают. Личинки осы гусеницу харчат и из нее вылупляются. Вот и вирус так же. А вообще все просто.

Возбудителями заболеваний могут быть разные микроорганизмы. Например, ВИЧ, гепатит С (им тоже можно заразиться во время полового акта), генитальный герпес – вызываются вирусами (по объему вирусы меньше, чем клетка, не имеют всего, что клетке положено – это просто кусок ДНК, которому надо внедриться в клетку, как я уже говорил.). Сифилис, гонорея, мягкий шанкр – бактериями (нормальная клетка, вполне самостоятельная). Это совершенно другие типы микроорганизмов, резко отличающиеся от вирусов.

А у халмидиоза, трихомониаза возбудители – уже простейшие, но животные. Именно поэтому лечить надо по-разному (на вирусы и простейших не действуют антибиотики, а на бактерии не действуют противовирусные и препараты против простейших). Ключик-замочек можно в пример привести. Только замочки разные: вроде как, например, вирус – это электронный замок, открывается карточкой, бактерия – кодовый и нужно пальчиками циферки выставить. А простейшие – амбарный, ключище нужен медный. Потому к амбарному нелепо лезть с карточкой, а к магнитному – с ключом в кило весом.

Или иначе, говоря грубой мужской аналогией: вирус – это чужой танкист, клетка – танк, а простейшее – это амбар. По величине они в реале отличаются еще больше, но смысл в том, что вирус должен забраться в клетку. Он без нее ничего не может. А клетки – бактерии – ухитряются попасть внутрь простейшего организма и там жить. При этом проводимое лечение их уже не пугает. Они в домике, – путано и нудно пытаюсь кратко объяснить я довольно сложный материал.

– Короче говоря, танкист отличается от танка, танк от ангара. Убить танкиста можно фосгеном, а танку это пофиг. Зато танк можно грохнуть бронебойным. А ангару бронебой пофиг, его надо аккуратно шашечками в нужных местах, – иронично, но довольно метко находит аналогии Енот.

– Ну да, где-то именно так, – облегченно подхватываю я.

– Стало понятнее. Хотя уж мне как артиллеристу могли бы сказать понятнее, сравнив миномет с минометкой и крепостное орудие с тонным снарядом. Ладно, понял, не буду теперь грипп антибиотиками лечить. Хотя где теперь грипп-то взять... Мне вот что странно: вы говорите, что все вирусы этот зомбовирус отконкурировал совершенно, всех убил – один остался, а, помнится, пасечник-то у нас в Крепости к вам бегал с нормальным опоясывающим герпесом, потом рассказывал, что ваше чудодейственное лекарство его за ночь вылечило. Не все вирусы, значит, помре?

– Вирусы прячутся в клетках. Их там ничем не достать. Особенно если они себя ведут неактивно. Герпес сидит в клетках нервной системы и не петюкает, но когда иммунитет падает

– тут же себя показывает. Иммунная система в организме – это как полиция в государстве. Ну, уголовники не проявляют себя особенно, если полиция работает толково, а вот как только какие-нибудь беспорядки в организме, полиция иммунная ослабела – тут же все гопники на улицы и вываливаются. И простуда на губах, и опоясывающий герпес, и так далее – сразу манифестно появляются. Как иммунитет восстановился – тут же обратно прятаться и сидеть тихо.

– Стало быть, сейчас зомбовирус включился людям как компонент иммунной системы?

– Да, именно так.

– А почему же все эти болезнетворные организмы оптом зовут микробами? – уточняет музейщик.

– Мелочь мельчайшая, если по-латински. Все в одну кучу и свалили. Пока не разобрались немного. Честно говоря, и сейчас еще не разобрались, в медицине все время как сказка про белого бычка: начало есть, а конца не видать. Много непонятностей. Вроде, как только ученые скажут: «Все, нам все-все ясно!», тут же какая-то жаба на метле прилетает.

– Потому вас зомби и не слишком удивили? – кивает Павел Александрович.

– И поэтому тоже. Мечников вполне обоснованно считал, что человек должен жить лет по 150. А не живет. Почему – черт его знает. И это не единственная непонятность в медицине.

Енот осуждающе смотрит на нас, потом громко вопрошает:

– Мне вот что странно: вы углубились в научные темы, растоптав мои нежные чувства, чай мои пьете. А кто трофеи собирать будет – а, доктор? Мне-то положено танк сохранять, Пал Саныч вызвался нам с танком компанию составить, а вы тут что сидите?

– Я, честно говоря, перевести дух хочу, – говорю я.

– Там трофеи делят, а вы все о бабах, да еще в таком смысле! А в это время «...хабар гниет!» Если все тут сказанное верно – надо стремительно собирать все презервативы! Надо тут же обносить аптеку – а она тут есть! Вот чая у меня уже мало, так что давайте, двигайте.

– Сам-то чего сидишь тогда? – чуть не поперхнувшись теплым напитком, спрашиваю я. Не, Енот умеет вот так резко менять тему разговора, но тут он меня удивил в очередной раз.

– Я уже вот танк затрофеил. Самое ж время тыринга – ДО описи и учета. Лишняя минута – год кормит! «Тихо сляпсил и ушел – называется «нашел!»» – говорит Енот в стиле суворовской «Науки побеждать». И добавляет скрипучим старушечьим голосом: – А они чай пьют и треплются, понимаешь. Не, все хорошо, конечно, но не вовремя, – заканчивает Енот уже нормальным тоном.

Глава 2. Теория и практика тыринга

Павел Александрович хмыкает, что называется, «в усы».

– Не, тут дело такое – главное медленно и спокойно спуститься с холма и перепоясать все стадо. Шоферюга ведь не зря в языках, должен дать инфу обо всем. А бегать и отсвечивать – оно как бэ не с руки. Легко можно нарваться. Да я, к слову, думаю, что кто-нито и нарвется. В конце концов там и майор, и Ильяс, они наши интересы отстаивать умеют. Опять же, слышал, договоренности какие-то есть на верхнем уровне, я же в кармане ни рыбзавод, ни НИИ, ни свинофирму не утяну. Даже кролиководческую ферму, откуда тебе Ильяс тушку приволок, и то не смогу.

– Ты путаешь личную шерсть с государственной, общественной, а также коллективной шерстью. А они все – разные, – широко улыбаясь, поучительно заявляет Енот:

– Вот смотри: мое, наше, общее, общественное, государственное и казенное – это три большие разницы и четыре разные вещи. Казенное надо охранять, государственное приумножать, общественное беречь, общее пополнять, нашим делиться, а свое ныкать.

– Ты что-то мудришь шибко, – возражаю я на такой поток Истины.

– Все просто. Вот смотришь на что-то – и думаешь: к какой категории относится? Сныкать могу или нет? Нет? Значит – не мое... А поделиться могу? – Могу. Тогда – наше. А если хватает, чтоб в общее отдать – то общее. Если же еще и остается – явно общественное... Вот как-то так. Если снизойти к твоему интеллекту.

– Поговаривают, что на скрижалях было 15 заповедей, только Моисей одну разбил по неосторожности... Если это так, то на разбитой было что-то именно такое, что ты тут изложил, – иронично, но с долей уважения говорю в ответ.

– Не, это экспромт и явно не гранитен. Но вообще принцип именно такой: подойдя к чему-то, надо прежде всего задать себе такие вопросы – и самому на них ответить. Хуже нету, чем хапнуть НЕ СВОЕ, – скромничает Енот.

– Хуже нет, чем хапнуть СВОЕ, которое и так было бы СВОИМ, а то, что хотел, – проворонить. Ну как ночью свой же огород обнес. Было 15 заповедей, но разбил одну табличку Моисей – было дело. Был про это снят документальный фильм, – посмеиваясь, вносит свои уточнения и Павел Александрович.

– А вот, между прочим, маленький вопрос: в ситуации после взятия поселка кто чего пошел бы искать для себя? Обыскивать коттеджи? Искать склады? Или трясти население? Вот ты, например, владелец танка – на что собираешься меня науськать? А вы, Павел Александрыч что скажете?

Музейщик отзывается первым:

– С собой в прорыв много не возьмешь, что подразумевает наличие некоторого количества нычек в коттеджах. Потому по коттеджам сектантов походить смысл есть. Менее ценное – в складах. Но склады будут делить начальники. При том, что людоеды тут жировать публике не давали, трясти население смысла нет. Но не стоит в одиночку шариться по домам.

– Умные люди должны бегать, высунув языки, таская в подогнанный БТР хабар. И ныкая его, ибо на выезде, естественно, шмон, и все заберут. Вот того, что должно хватить на долгую безбедную жисть в Рио-де-Жанейро. Или, как минимум, на месяц отдыха в пансионате «Ромашка». На край, хотя бы «три дня пожить пачилавчески» – чтоб потом было что вспомнить... всему району, – говорит, посмеиваясь, хромой.

– И что прикажешь брать? Оружие? Жратву? Одежу-обузу? – не даю я ему отвечать отвлеченно и сам задумываюсь: а ведь и правда, тут ведь собственников эффективных поперли без права опротестования через суд. Значит, собственность тут пока – формально – ничья. Но мне-то что надо? Вот мне конкретно? Понятно, что после драки первое дело в трофеях – ору-

жие. Всегда оружие было самым ценным для человека. Все самые новые усовершенствования, научные открытия – всегда для оружия. Но мне-то оружие нужно? Да, в общем, нет, разве что в деревню перебросить, к родителям. Тут, дома, уже стоит в железном шкафу, который мы вчетвером перли по лестнице, поотбивав пальцы и колени и изматерясь по этому поводу, уже больше, чем я носить смогу:

1. «Рыжая Приблуда» – дробовик 20 калибра, купленный в самом начале Беды.
2. «Марго» – малокалиберный целевой пистолет, подарок хорошего человека.
3. «Малыш» – снятый с пленного Вивисектора пистолетик скрытого ношения.
4. ПБ – тоже отнятый у покойного хозяина Мутабора бесшумник.
5. ППС–43 – выданный в Кронштадте мичманом Аликом.
6. Маузер К–96 – кронштадтский сувенир от того же Алика.
7. АК–47 – полученный чуток позже, с ним я, в основном, и езжу, и сейчас он у меня на коленках лежит.
8. «Мини» – карабин, что презентовал американский пациент на прощание.
9. И им же подаренный Глок.

И мне этого вообще-то выше крыши хватает. О, к слову, вспомнил: по неписаным законам, которые сейчас в ходу, что-то ведь мне причитается и из того оружия, что надыбалось в ходе моей сегодняшней эскапады. Оно, конечно, на компаньона удалого, но безногого – половина, а то и побольше приходится, но так или иначе доля какая-никакая у меня в этом деле есть. С тех двух кавалеристов, что на нас выскочили, сам я своеручно снял пулемет ручной «Печенег», АК–74 с ПБС да пистолетов пару – вроде как у покойного пулеметчика была самая настоящая Беретта, а у его напарника явный Глок, только вот по моделям не скажу, а по виду – у первого характерная выточка тальянская, у второго – характерные квадратные очертания, и легкий он был.

Ценно?

Конечно. Оно, правда, свалил обоих мой напарник, но тут дело спорное – без меня он не то что выбраться – трофеи собрать не смог бы. Делиться ему придется, как и мне, впрочем: в домике, где свезло мне, и я, сам того не ожидая, угробил сладкую парочку – ботана-людоеда с его бабой. Значит, придется и мне что-то отдавать напарнику – из дробовика АА–12, здорового и дурного пистолета ботана (уж не тот ли самый голливудский любимец Десерт Игл у него был – очень уж похож огнестрельный утюг), да у девки его что-то с розовым пластиком было – не знаю, что, не видал раньше такого легкомысленного оружия.

Ну, и недоделанная Нелли Крофт тоже оставила после себя точно такой же пистолетище, как в фильме про расхитительницу гробниц, да АКСУ в джипе. А, к слову, и ключи от джипа у меня, вот они – в кармане. Если инженеры не начнут выделяться, требуя возврата оставленного в лесу имущества (а они вряд ли будут продолжать тот балаган), то, в общем, прожива оружейная уже есть. Другой вопрос – на фига мне, например Десерт Игл? Мне он, вообще-то, и даром не нужен. Ну, почти.

Когда отмечали всем курсом десятилетие выпуска, послушал от одного выпускника из «уехавших на историческую родину», как он там намучился с этим агрегатом – по приезде советский выкормыш, ясен пень, захотел иметь ОРУЖИЕ, благо было можно и легко. И купил САМЫЙ БОЛЬШОЙ ПИСТОЛЕТ! И только после этого удосужился ознакомиться с правилами. А заодно и с другими пистолетами.

Тогда-то и оказалось, что, во-первых, патронов в пистоле всего семь. В случае перестрелки, да еще для неопытного балбеса, не имеющего никакой выучки, просто недостаточно. Во-вторых, пистоль жутко тяжелый, а по израильским правилам его надо носить все время с собой. По жару. Кило железа. Везде. Даже на пляж. Дома оставлять нельзя. Но сейф в доме должен быть. Денег стоит. А если стрелок выезжает из Израиля, то сдавать оружие положено на хранение в особое хранилище, что стоит совершенно чумных денег. При пустом сейфе дома.

Да еще и знакомые над простаком посмеиваются, потому как практичные люди покупают что угодно, но не этот недоумочный гигант. У нас правила не такие, как в Израиле, но пример моего однокашника был свеж, и после его плача вавилонского мне как-то Игл не понравился.

Тут ведь дело такое: это автомат – рабочий инструмент, а пистолет – уже символ и власти, и престижа, и протчая в том же духе. Нет, из того же ПБ я много стрелял в ходе выездов, да и «Малыш» выручил пару раз, да и «Марго» помогала, но для публики это все – рабочие лошадки. По трофеям с людоедов видно. Причем престижность в пистолетах и раньше была. И давно.

Мой пожилой приятель-геолог был руководителем в поисковой группе, где, кроме него, были только местные вольнонаемные – вот не помню, якуты или чукчи. Что характерно – ружья у каждого первого, причем и нарезные, стреляют – даже пьяными – метко. ОЧЕНЬ метко. Он раз не доглядел – нашли работяги водку где-то и ужрались. А у северян ферментная система иная, и на алкоголь они реагируют не так, как южане, тысячелетиями вино пившие. Не дезактивируется у северян в печени алкоголь.

Вообще. Выпил человек водки – и она в нем так и циркулирует. Мечта алкоголика. Потому пьяные северяне – это не поддавшие французы или тальянцы. Ну и нравы там суровые. Один взялся свою жену за какие-то грехи жечь. На костре. Остальные не мешают – человек в своем праве, все верно. Жена орет, на ней уже штаны горят. Помрет если баба – руководителя посадят. Приятель сунулся было протестовать – его послали.

Сурово так, по-северному, непреклонно. Ну, он тогда за наган схватился (ему как руководителю этой банды было положено оружие – ни разу не чищенный револьверт). Сам чуть от страха не помер, потому как стрелять из нагана не умел в принципе, да и против десятка стволов один наган не катит никак. И понимал, что могут его пристрелить легко, а вот он – не справится. Но иначе потом посадят, что тоже вовсе не сахар. Совершенно не интересно.

И как только он ржавый наган из кобуры дернул, так работяги присмирели. А оказалось, там это вроде как гетманская булава – знак начальника. А начальник всегда прав. Если с пистолетом. В общем, убедил бабу не жечь... а сам потом все таблетки съел из аптечки – успокоиться не мог, колотун в палатке напал.

Нужно мне еще что-то для престижа? Вроде как и нет. Конечно, с ребятами надо посоветоваться, что брать при обмене, но, в общем, из всего сегодняшнего мне разве только пулемет интересен, да и то не себе. Джип уже тоже нашел. Да и не вопрос нынче машину подобрать, тем более что сосватанный Вовкой кузовок мне очень понравился, а Надежда водить не шибко-то умеет.

Еда? Одежда? В общем, думать и думать. Разве что драгоценности на будущее, слитки золота? Так и это, скорее всего, местные хозяева жизни забрали с собой, и все это попало к тем, кто их в засаде принял. Хотя, может, и стоит прошвырнуться. Мало ли что полезного найдется. Но как-то ноги не идут. Вымотался я. Да и нюанс такой есть, который еще влияет.

Не один я тут такой. Цапну что не то, из коллективного – получится некрасиво. Еще Гейне заметил: «Честность – прекрасная вещь, особенно когда все вокруг честные, а я один жулик». Но я-то тут не единственный жулик, тут таких ловкачей, которым я и в подметки не гоюсь, – не десяток, а поболее. Подведут под монастырь запросто, потом не отмоешься. Если в одиночку буду болтаться – точно. Сам-то Гейне тот еще фрукт был. Хотя я его уважаю. Хотя бы за то, что полученную от царя Николая Первого взятку в 12000 талеров промотал вместе с поэтом Тютчевым. Взятка была платой за правильное освещение польских событий в немецкой оппозиционной печати. А привез взятку как раз молодой чиновник Тютчев, вот два великих поэта встретились и прокутили все деньги в Париже. Потому раз мне не светит быть единственным жуликом и кутить потом в Париже – лучше и не пробовать. И я наливаю себе еще полкружки чаю.

Енот фыркает носиком весьма выразительно.

Ну да это – его дело. Я шляться тут в одиночку не буду. Вот сходить к нашим стоит. Глянуть, как что и где – это можно.

Только собираюсь уходить, как подъезжает ментовский грузовик, и несколько ментов начинают выгружать на площадку рядом с танком кучу самых разношерстных стволов.

Сотни полторы, никак не меньше, причем такого разнobia и в магазине не увидишь: тут и обрезы от охотничьих ружей – начиная от одностольных и двустольных коротких лупар и кончая коротышками с отпиленным стволом, но сохраненным прикладом, груда разных помповушек, несколько чуть ли не бердан, болтовые винтовки, множество разных АК, какие-то причудливые пистолеты-пулеметы, просто пулеметы – три ПК на станках, «Владимиров» (правда, с разобранной механикой) и пистолеты.

Чего только нету! Куча будет внушительной. На мой вкус, не хватает еще знамен, пары касок и нескольких ящиков с гранатами. Распооряющийся этим действием подполковник мне немного знаком (аппендэктомия у его дочки была в мое дежурство), потому спрашиваю, что тут такое за выставка.

В ответ слышу ожидаемое: телевизионщики уже едут, будут снимать репортаж о возвращении Ропши в человеческое общество. Вот для красивой картинки и создается натюрморт. Действительно, оружие не валят как попало, а старательно укладывают, показывают товар лицом. Мне вдруг кажется – уловил боковым зрением – что сбоку от меня что-то шевельнулось, поворачиваю голову и вижу, ей-богу вижу, что тень, отбрасываемая неподвижным Ено-том, сама по себе хищно тянется к этой груде оружия.

Нет, померещилось – тень как тень, видно, ее хозяин пошевелился. Вон он с каким невинным выражением лица на своей морде сидит. Такой невинности на десяток юных невест хватило бы. Но что-то мешает мне однозначно поверить, что тень не выдала внутренних побуждений своего хозяина. Яблоко, знаете ли, от яблони...

– Телевизионщики скоро приедут? – спрашиваю я подполковника.

– Через пару часов. За это время по поселку будет проведена зачистка вчерне, чтоб хотя бы по начальству не стрелял никто, да и с рабами и пленными разбираться надо, – отвечает подполковник, любовно раскладывая железяки так, как на его художественный вкус будет «покарасившее».

– Погодите, а что за рабы и пленные? – удивляюсь я.

– Как «что за»? Пленные – это те, кого взяли живьем из людоедов и их сектантов. Всего получилось 29 голов, людьми их как-то называть не тянет. А рабы – так их уже полторы сотни набралось, и это еще не все. Тут возиться еще не одну неделю – разбираться, кто чего и как. Работы выше крыши получается, – несколько рассеянно сообщает мент, любовно раскладывающий свою железную икебану.

Честно признаюсь, я не вполне понимаю его целеустремленные действия – вроде как за муравьями наблюдаешь, но ему-то явно понятно, зачем он только что развалил готовую пирамиду только для того, чтобы иначе уложить немецкий маузеровский карабин в роскошном охотничьем исполнении.

Придирчиво осмотрев сделанное и одобрительно кивнув самому себе, подполковник начинает прилаживать к оружейному муравейнику совершенно нелепую ерундовину – ичкерийский пистолет-пулемет Борз с ЛЦУ, тактическим фонарем и еще чем-то, не менее нужным для короткоствольной пукалки.

Приклада у барабайки нету, зато она старательно покрашена в камуфляжные цвета, что делает ее совершенно идиотской штуковиной. Предел оружейного шика-гламура – просто, можно сказать, креативный Дольче с Габбаной создавал. Плюгавый недомерок занимает достойное место в экспозиции.

– Погодите, а с рабами-то для чего разбираться? – недоумеваю я.

Мент отрывается от своего занятия и с удивлением на меня смотрит. Потом, как бы ища поддержки, взглядывает на Енота и Павла Александровича.

Те синхронно пожимают плечами.

– Ну, освободили людей. Чего еще-то? – вопрошаю я. Не пойму я этих танцев, настрадались же люди в неволе-то, освободить их – и пусть радуются.

– Вот уж шиш, – говорит подполковник даже с некоторым презрительным оттенком в голосе, – их фильтровать и фильтровать. Что пленных – особенно ментов, – что рабов. Кто, откуда, зачем, почему и с какой стати попал в рабы. Известно, что несколько сектантов за разные грехи были разжалованы в рабы. Оно, разумеется, трогательно, что парочка людоедов прятала у себя кошек и потому загремела на исправительные работы, но людоедами-то они не прекратили быть от этого. Надо их найти? Надо!

А остальные как попали? Мы их освободим, ага, в Кроник допустим. А там окажется, что это банальная уголовщина, например, которую при любом режиме содят в тюрьму.

Оно нам нуно?

Совершенно не нуно.

То, что их гнобили людоеды, еще ничего не говорит в их пользу. Бывает, из борделя за разврат выгоняют, так это не значит, что выгнанные – образчики добродетели и благонравия, – выдает внезапно мент.

Глава 3. Трофеи с историей

– О как сказанул! – одобряет его речь Енот.

– А то ж! – горделиво заявляет подполковник.

– Не ожидал. Мне как-то это все иначе виделось. А тут и от освобожденных никаких букетов и приветствий, и к освобожденным весьма прохладное отношение, – поясняю я свое разочарование.

– Погоди. Еще и по ночам постреливать будут, – утешает меня мент и возвращается к дизайнерскому украшению ландшафта. Критично осматривает с нескольких точек свое произведение, начинает вносить исправления, попутно говоря в мою сторону:

– Вот, к примеру, есть тут свинарник. Свиношек кормят отстрелянными зомби. Свиношки отлично толстеют на дохлятине. Но я не про это. На свинарнике с пяток рабов.

Вроде как жертвы.

Да?

Облобызать и рыдать вместе. А у нас есть уже информация, что эти свинари – зверье почище людоедов. Полностью потерявшие человеческий облик субъекты. Вот слышали про такое – гуру?

– Японская эротика вроде. Или это манга? – начинаю я копать в скудных своих познаниях на тему японских странностей.

– Эротика, то есть порнография – это у них называется хентай – поучительно просвещает меня подполковник, – а гуру – это порнография с расчлененкой, некрофилией, садизмом и...

– Кровь – кишки – распидарасило в говно, – подхватывает Енот понимающе.

– Вот-вот – кивает подполковник. – Так вот, свинари аккурат этим и занимались, придавая своим развлечениям с трупами для кормежки эротическую окраску.

– Буэ, – говорит Павел Александрович.

– Не то слово – охотно соглашается мент. – А если послушать, что про них порассказывали пленные, да поглядеть своими глазами – так и еще гаже выходит. Им пару раз живых отдавали. Точнее, уже полуживых. Ну, сами понимаете... В шоппение. И что прикажете с такими делать? Да и местных жителей тоже фильтровать придется, есть тут о чем говорить с некоторыми. Как куча оружия выглядит? Впечатляет? – уточняет мент.

– Я бы добавил еще вражеские знамена, пару касок и ящики с вываливающимися из них гранатами, – говорю менту, чтобы он не слишком-то вообразал тут.

– А я только что сам об этом подумал, – внезапно соглашается мент и, словно осененный музой скульптор-авангардист, посылает одного из рядовых в Капище, чтоб приволок что повпечатлительнее, а другого – молодого сержантика – в склад, за ящиками. Потом вполголоса признается, что захваченное оружие не раз приходилось раскладывать на манер «товар лицом», но чтоб вот так «классический трофей соорудить» – сроду не было. Раньше нормально так, по-человечески, рядом, чтоб каждый ствол было видать, да и в других полициях точно так же принято – вот в Мексике, например. Но приказ есть приказ, вот и должно быть красиво и внушительно.

– Насчет свинок... – говорит Енот. – Мне кажется, что сейчас такой способ кормежки широко будет использоваться. Из экономии. И раньше-то такое бывало, хотя куда как труднее было труп добыть, чем корм. Рассказывали мне киевские родичи – были у меня такие, – что случился раз инцидент с билетиком лотереи, который выиграл Волгу, а человек уже успел помереть и захорониться. Жена, поняв, что билетик в спинжаке остался, а спинжак на муже, а муж заховался навсегда – добила эксгумации, хоть это было чертовски сложно. А гробик был пустой. В итоге взяли могильщика, кой разводил пушных зверьков – хорей и хонуриков, а на мясо им пускал бесполезных упокойников.

– Бабы сказки, – уверенно говорит один из грузчиков в погонах, аккуратно сваливая в кучу оружия еще несколько разномастных стволов.

– Впрочем, допускаю, что это отзвуки реально бывшего во время оккупации Киева инцидента, когда гансы расстреляли несколько человек – в том числе и могильщиков с кладбища, каковые трупы пускали после похорон на корм свинкам, а свинок поставляли германской армии... – не моргнув глазом, уверенно заканчивает хромой.

– Глядя на этих свинарей – вполне может быть, что и не байки, – соглашается с Енотом подполковник.

– Это печально, – кивает головой взгрустнувший Енот. – Теперь так просто сало и не купишь, надо все проверять. Вот интересно: сало и мясо этих трупоядных свинок как-то отделить можно от нормального? – спрашивает он подполковника с неподдельным живым интересом.

– Завтра проверим, – решает мент, на минутку оторвавшись от раскладывания трофеев, – нам и самим это знать интересно.

– Еще б не интересно, – хмыкает Енот, что мне не удивительно: он сало любит, как кот валерьянку.

– Как проверять собираетесь? – спрашиваю я их.

– Надо бы котами опробовать, – немного непонятно отвечает Енот. Видя мое удивление, поясняет:

– Сатанисты эти, как и прежде, активно распинают кошек. Бо животное богомерзкое и, чуя от них запах или еще что, – не любит. И это показывает. Наглядно.

– Так, кстати, и эмиссара выловили в Кронштадте, да – на него кошки орали, хотя с виду живехонек. Думали, укушенный, в карантин его – ан нет... не помирает. А кошки орут! – подтверждает сказанное и один из милиципунеров.

Запоминаю сказанное. Теперь прямо как тот синий уголовник – хоть все время с собой кошака таскай. В виде волосатого индикатора на все случаи жизни. Надо вот будет проверить, как собаками: вернемся с задания, обязательно посмотрю – чует ли Фрейя людоедов. Только сначала выплусь.

– Где сейчас майор? – спрашиваю я Енота.

– У этого рыбного института. Ниже по улице порядка километра.

– Схожу, уточнюсь. Вроде безопасно, – замечаю я, глядя на вооруженных людей из нашей коалиции сегодняшней.

– Лучше бы поодиночке не шляться, – замечает мент.

– Угу, – подтверждает и Енот.

– Сейчас мои орлы вернутся – дам одного в сопровождение, – великодушничает мент.

Его коллеги выгрузили все и смотались с деловым видом – то ли за новой партией для кучи трофеев, то ли по другой причине, оставив творца присматривать за оружием.

– Интересный у вас набор стволов, должен заметить, – говорит наблюдающий за творческими муками Павел Александрович. – Даже французский стержневой штуцер Тувенена образца 1842 года имеется.

– Это вот эта фузея? – удивляется подполковник, вытягивая из кучи старинное ружье с внешним курком.

– Не фузея. Штуцер. Откуда такое тут взяли? – интересуется музейный работник.

– На южном блокпосту. И порохом воняет, – говорит мент, понюхав срез ствола.

– Ну, а почему бы и нет? Капсуля если есть. С дымным порохом вполне себе вещь. И пули можно лить самому. Экономично. А бой сильный, не зря у этой винтовки прицел до 1100 метров.

– Надо же, – с некоторым уважением глядит мент на ружье у себя в руках – Это когда такое применяли? При Наполеоне?

– Ага. При третьем Наполеоне, в Крымскую войну 1853–1856 годов, состояла на вооружении французской армии. Серьезная машинка.

– Это получается как? Из Севастополя в столицу привезли? Дважды трофеей? – удивляется подполковник.

– Не обязательно из Севастополя. Это у нас война та называется Крымской, по простоте нашей, на западе ее называют иначе – Восточная война. И бои были не только в Крыму, задача той войны была отрезать Российскую империю от всех морей, не только в Черном ущемить.

Потому бои были и тут, у нас под боком, на Аландах, и Петропавловск на Камчатке пытались англичане взять, и Колу сожгли, и Соловки пытались захватить... Собственно, Россия хотела оттяпать от Турции территории с православными христианами, да одним походом взять под контроль проливы – Босфор и Дарданеллы.

Турки к тому времени ослабли, были у англичан на веревочке, отношение Англии к «русским варварам» известно издавна, потому и пошло сколачивание общеевропейской анти-русской коалиции. Николай Первый рассчитывал на дружеское отношение Австро-Венгрии и Пруссии и полагал, что Англия с Францией не смогут союзничать.

И ошибся. Нелепый Наполеон Третий, которого Бисмарк величал не иначе как «непризнанной, но крупной бездарностью» очень хотел прославиться, как-никак племянник того самого Наполеона, да и франкам хотелось реванша после разгрома в 1812 году, – негромко рассказывает Павел Александрович.

– Погодите, тот Наполеон – первый. Этот – Третий? А второй когда был? – начинает пересчитывать французских императоров мент.

– А не было второго. Была опечатка в манифесте о том, что президент Франции стал императором. Должно было быть «Вив ле Импереур Наполеон II!», а наборщик вместо восклицательного знака добавил еще одну единичку и без пробела. Так и пошло. Я же говорю – нелепый был император. Так себя поставил, что после него у французов на императоров возникла стойкая аллергия, и он стал последним.

Так вот, Николай Первый просчитался, и Европа на Россию привычно ошетилилась вся. Другое дело, что в Пруссии был умный Бисмарк с его правилом «не драться с русским медведем», да и австриякам запомнилось, как русские войска Паскевича с ходу погасили мощный венгерский мятеж, и тоже, в общем, дальше неприязненного нейтралитета не пошли, ограничившись угрозами. Так что и англо-французские дипломаты не преуспели.

Даже Швецию втянуть не удалось, хотя ее прельщали возвратом Финляндии. Но шведы побрякали оружием, посмотрели на неудачи коалиции, поняли, что Финляндию придется отвоюывать самим – и быстро остыли, особенно после Бомарзунда.

Ровно то же и с Пруссией: по плану лорда Пальмерстона, Пруссия должна была отвоевать Прибалтику себе, а Австрия – захватить Молдавию, Валахию и устье Дуная, но германцам такой расклад показался невыгодным, да и англичане не очень-то внушали доверие как союзники. Они ведь всегда самоотверженно хватаются за самую тяжелую задачу и великодушно сваливают ее выполнение на союзников. Бисмарк был умным человеком.

Так что подписалась Турция, сдуру захотевшая оттяпать себе Крым и Кавказ, да опереточное Королевство Сардинское. Еще был план освобождения Польши, но шляхтичи и тут показали себя во всей красе, устроив неприличный балаган...

– Это что ж такое они учудили? – хмыкает Енот.

– Предложили польскими эмигрантами захватить Финляндию и присоединить ее к Великой Польше.

– Неплохой план, нажористый, – кивает хромой.

– Бесспорно, – соглашается и музейщик. – Но идиотов в Европе всегда много, потому в коалиции была и германская бригада – 4250 солдат, и швейцарская бригада – 2200 солдат, и даже славянский легион – 1400 солдат. Широкое представительство.

– Ну а то ж! – соглашаюсь и я.

Странно, но я и не представлял, что оборона Севастополя была, оказывается, не единственным эпизодом. Ишь как, Восточная война! А если бы не Бисмарк? Вполне вытанцовывается очередной общеевропейский поход за медведями в русскую зиму с последующим плачем обиженных европейцев.

– Бомарзунд... Красивое слово. Это что такое? – спрашивает подполковник, уже с уважением нянькая на руках старинный штуцер.

– А остров рядом – в Аландском архипелаге, – дает справку Енот, – Между Швецией и Финляндией.

– Он самый, – отзывается Павел Александрович. – Там строилась крепостца, так вот, учитывая общие неудачи, ее и решили взять. На Свеаборг и Кронштадт силенок не хватало, а после неудач жизненно важно было добиться хоть какого-то успеха. Опять же, вразумить шведов. Бомарзундская крепость как раз годилась для показухи – отстроена на 20%, единой системы ведения огня не имеет, половина артиллерии без станков, да и гарнизон 1600 человек всяких разных, но никак не гвардия. В общем, удаленный убогий провинциальный гарнизон, причем еще и с туземцами – в гарнизон входил 10-й финский батальон из добровольцев.

Финны были высочайше освобождены от воинской повинности, но горячие парни и у них были. Еще там же всякие нестроевые, штатские, включая каторжан – всего на острове 2200 человек. Англичане дождались подкрепления – прибыла французская дивизия Барагэ д'Илье с эскадрой. Численность союзных сил достигла 32000 человек – ну, можете сравнить, а по артиллерии превосходство было в десять раз, даже не учитывая качество – по дальнобойности английские и французские орудия могли работать вне досягаемости русской крепостной артиллерии, совершенно безопасно. Причем, в отличие от Кронштадта и Свеаборга, у Бомарзунда не было минных заграждений...

– Это что? Уже в то время были морские мины? – удивляется даже Енот.

– Да, в России были, даже два типа. Гальванические Нобиля – того самого, чья премия за мир, он их вместе с отцом создавал, и Якоби. На нобелевских, менее мощных, подорвалось четыре английских корабля, и принято считать, что кроме сотрясения ничего не произошло, но с чего-то остальные стали мин бояться как огня. У Бомарзунда можно было маневрировать свободно.

Ну а дальше – по английским и французским источникам – крепость успешно штурмовали, за 4 дня вполне справились и, взорвав все, что не разломала артиллерия, практически не понеся потерь, удалились, увозя взятых в плен российских подданных. Попытались всучить остров Швеции. Но шведы от такого данайского подарка благоразумно отказались. Англичане заявили о гибели двух человек и ранении четырех.

Потом, правда, у них началась эпидемия холеры, и в день помирало до 50 солдат и матросов, но это же совсем иное дело, верно? А разобрать потом – от ран померли или от болезни – ищи трупы в море.

– Видно, англичане и тут отсиделись за спинами французов. Интересно, какие потери понесли франки? Их, видно, в самую дыру сунули? – ехидствует Енот.

– А как же! В полном соответствии с английскими военными традициями. По-джентльменски. Англичане только пару раз подставились – когда их пароходофрегат «Пенелопа» сел на подводные камни вне действия крепостных орудий, но наши увеличили пороховой заряд сверх допустимого, рискуя взрывом стволов, да под передние колеса подложив доски, что позволило накрыть огнем и наделать дырок в стоячей цели, да второй раз опять же ухитрились навесным огнем (что крепостная артиллерия не могла вообще-то по канонам делать) накрыть стоящий за островком Прест-Э пароходофрегат «Леопард».

С «Пенелопы» повыкидывали сгоряча артиллерию, чтобы облегчить корабль и сняться с каменюк, но девять ядер они все же получили. «Леопард» ушел на буксире, большая часть

экипажа при этом работала на помпах – дыры оказались опасными. И в конце высадили героические англичане аж роту саперов, которые в драку не полезли. В роли мартышки, таскающей для англичан каштаны из огня, выступили, как всегда, французы. Вот они и высадились в количестве 12000 человек. Полчаса на берегу их обстреливали финны и добровольцы из гарнизона, притавшиеся по-егерски среди камней.

Под совершенно адским артогнем и в связи с абсолютным превосходством в живой силе – отошли. Правда, в первой волне десанта повыбили офицеров. И четыре дня сплошной канонады, потому как франки после приветов на пляже вели осаду правильно – окапываясь и ставя батареи. Все эти четыре дня франки грызли оборону, периодически ввязываясь в штыковую резню.

В итоге, когда артогнем были практически снесены все орудия, комендант Бомарзунда генерал-майор Бодиско отдал приказ спустить флаг и поднять белый.

Офицера, посланного сделать это, солдаты чуть не поколотили и спустить флаг не дали. Бодиско послал несколько офицеров, и те все же флаг спустили. Тогда солдаты флаг отняли и сожгли его в каземате, чтоб врагу трофея не было.

После чего две группы в штыковую продрались через кольцо французов, ухитрились отбить у англичан шлюпки и ушли – частью в Швецию, а группа канонира Ивана Ерыгина подалась в направлении Финляндии. И таки добрались до своих.

А союзникам пришлось еще возиться с последней башней, в которой стояло 18 орудий. Находилась она в стороне от форта. На островке. Вот тогда опять показали себя финские стрелки, отбив две попытки высадки десанта. Тогда же продырявили «Леопарда». Но удержаться против всей эскадры и пехотной дивизии шансов не было.

Так что, возможно, этот штуцер вывез кто из группы Ерыгина или те, кто в Швецию подались, а потом вернулись.

– А что в итоге? – осведомился мент, уже по-другому разглядывая старинное ружье.

– В итоге русские на Бомарзунд вернулись через месяц – союзники откровенно побоялись использовать гавань для базирования – дескать, замерзнет зимой море, по льду придут казаки и всех зарежут. Зря, к слову, смеетесь – именно так джентльмены и записали в анналы. Шведы после этого решили в войну точно не вступать, а потери и невиданный расход боеприпасов поставили крест на любом плане штурма Свеаборга или тем более Кронштадта.

Обстреляли Або, попытались высадить несколько десантов, но все вяло и неуспешно. Зато Барагэ д'Илье дали за взятие крепости маршала, улицу в Париже назвали Бомарзунд, адмиралу Непиру устроили головомойку, а когда он пригрозил выставить на всеобщее обозрение кучу грязного белья своего руководства, дали орден Бани, чтоб заткнулся. Орден он не принял, скандал все же устроил, но это другая история.

Глава 4. Команда лекаря. Мужские разговоры

Помолчав, Павел Александрович добавляет:

– Интереснейший пласт истории. Совершенно незаслуженно забытый, а там много и фантастического, и курьезного, и серьезного. И трагикомического тоже: адмирал Прайс, который руководил англо-франкской экспедицией по захвату порта Петропавловска на Камчатке взял и застрелился, посмотрев на оборону городка. Вот так. При своих офицерах.

Ему-то американские китобои рассказали, что обороны нет вообще, а оказалось – даже артиллерия имеется. Впрочем, береговые батареи англо-франкам сбить удалось, хотя и солоно им пришлось, но на десантах погорели вовсе – дважды высаживали и дважды десант громили с тяжелыми для десантеров потерями. Аж полковой флаг обронули в ходе драки. Отступили с позором.

Хотя по живой силе превосходили более чем вдвое, а по артиллерии и того больше. Даже учитывая то, что в гавань успели прийти бригантина «Двина» и фрегат «Аврора». Там они встали так, чтобы держать вход в гавань под стрельбу правым бортом, а все орудия с другого борта пошли в усиление сухопутной обороны.

– Странно, при таком превосходстве в силах... – задумчиво выговаривает Енот.

– В немалой степени успех был в том, что десантников атаквали с разных сторон, пользуясь знанием местности и навязывая штыковой бой в кустарнике. Опять же, потери офицерского состава в десанте – сужу по тому, что в наших трофеях оказалось восемь офицерских сабель – должны были сказаться на управляемости. Очевидно, что наши начали с отстрела командного состава.

– А, ну разве что так, – кивает Енот. – И что дальше?

– Дальше англо-франки заявили снова. Получили усиление и вернулись уже точно с абсолютным превосходством в силах, хотя и до того гарнизон Петропавловска не блистал многолюдством.

Но оказалось, что за прошедшее время петропавловцы успели и отрапортовать о победе императору – представляете расстояния для курьера? Да, и получить высочайшие указания – эвакуировать гражданское население города, дабы не подвергать его опасности. И эвакуировали. При этом смогли сделать порт и городок непригодными для использования оккупантами – например, сняв ключевые детали с домов и портовых сооружений, частью разобрав их, – замечает Павел Александрович.

Мне остается только чесать в затылке.

– Ну, с портом спрашивать не буду – все равно не пойму, а что за ключевые детали домов? – уточняю я.

– Элементарно, Ватсон, – ливановским голосом заявляет Енот. – Двери да окна снять, да фурнитуру от печек. И все – не позимуешь.

– Именно, – кивает, улыбнувшись, музейщик. – После жители вернулись в Петропавловск, притащили припрятанные вещички и стали жить-поживать. А коалиции обломилось иметь постоянно действующую оперативную базу на Камчатке. Без базы-то тускло, потому планы на рейдерство остались на бумаге. Отрейдерили всего пару русских судов.

– Войну все же продули! – отмечает мент. Потом, подумав, совершенно неожиданно заявляет:

– Надо в трофеи холодное оружие добавить! Вот офицерских бы сабель... Штук восемь – очень бы смотрелось.

И, явно загоревшись идеей, начинает связываться по радиации со своими, которые к этой идее относятся как-то прохладно. Ну да, где тут в Ропше красивый холодняк найдешь. Не топоры же класть.

– Войну продули в первую очередь дипломатически. Еще до ее начала. Позволив Европе объединиться. Но, с другой стороны, никак иначе быть и не могло, – задумчиво выговаривает Павел Александрович.

– С чего бы такой фатализм? – удивляюсь я.

– От самодержавия. Монархи нередко были идеалистами. Это их и губило.

– Да прям! – не выдерживает Енот.

– А представьте себе. Они же Помазанники Божьи! Проявление Божественной Воли. Каждое их слово – Высший Закон. И еще они Пастыри, обязаны соблюдать массу условностей и обязанностей, как же. Причем не написанных ими, а тык скыть Богом прописанных. Опять же, дурацкие понятия рыцарской чести и просто чести, что четко видно в поведении российских императоров – даже до Николая Второго включительно.

– Ну, это уже чушь, – не выдерживаю я.

– Отнюдь. При всех его недостатках – прямо скажу, крайне неудачным был Второй Коля кандидатом на престол, – но вот понятие чести имел. Именно потому сдуру бросил гвардию в неподготовленное наступление – чтобы спасти французских союзников от разгрома. В итоге наша гвардия легла в Восточной Пруссии, франки удержались на плаву, но никакой благодарности в дальнейшем от них не пришло.

Европейцы четко блюдут свой собственный корыстный интерес. Издавна. Вы что думаете, «ничего личного, только бизнес» – новенькая поговорка? Да как бы не так. Тот же Николай Первый был уверен, что австрияки ему благодарны глубоко, ведь он сохранил на голове их императора заковыристую шапку под названием корона, разгромив крайне неприятный венгерский мятеж.

И сильно ошибся – эту помощь ему же выкатили как вторжение, обвинив во всем. «Уже оказанная услуга ничего не стоит» – тоже очень старая поговорка. Про шведов он тоже думал, что они будут благодарны: когда на шведский престол сел рубаха-парень Бернадотт, революционный наполеоновский маршал с заливчатой татухой на груди «Смерть королям!», именно российская помощь дала ему удержаться и завести нормальную королевскую династию. Мало того, ему помогли прибрать к рукам Норвегию – в виде компенсации за отобранную Финляндию.

И, тем не менее, сынок Бернадотта, король шведский Оскар Первый долго колебался – а не вписаться ли Швеции в драку? А это все вынуждало держать войска у столицы и на западной границе. Лучшие причем войска. Попытки рассчитывать в дипломатической работе с Западом на всякие там родственные узы и понятия чести и справедливости для наших царей всегда плохо кончались, – резюмирует Павел Александрович.

– Ну да, помнится, наш пухлый знакомец, который англичан сильно не любит, толковал, что последних Романовых убили не большевики, а отказ английского короля, родственничка Романовых, принять в Англии находившихся под арестом жену и детей самодержца бывшего. Керенский, помнится, просил, а получил ответ, что английские подданные не поймут такого акта. Хотя ежу было понятно, что в революционной стране низложенным неприятности будут точно. Вплоть до, – замечаю я.

– Вот-вот, – кивает головой музейщик.

– Как это – блажь? – вдруг взрывается криком мент. Ему, видно, что-то лягнули подчиненные в рацию, вот он и не сдержался. Оглядывается на нас, сбавляет тон:

– А я тебе сказал – ищи! И чтоб красиво было!

Понятно, нерасторопный подчиненный не нашел ничего лучшего, чем навозные вилы и пара грабель, а начальство недовольно. Ну, это их проблемы, в конце-то концов.

А я вдруг вспоминаю про лежащий в рюкзаке трофей – оригинальный восточный кинжал, с которым покойный пулеметчик взялся меня скрадывать. Показать, что ли, Павлу Александровичу? А что, вполне себе подходящий момент. Тяну полученное сокровище, показываю.

– Весьма интересный образчик ятагана. Весьма интересный, – говорит Павел Александрович и как-то заговорщицки мне подмигивает, пользуясь тем, что мент не смотрит в нашу сторону. – Не хотите передать в музей на хранение?

Подполковник настораживает уши торчком и косит изо всех сил глазами, не показывая возникшую заинтересованность.

– Если не собираешься, я у тебя его поменяю, прикинь за сколько, – поддерживает разговор Енот.

– Ты ж вроде не собираешь холодняк? – удивляюсь я.

– А я его Ильясу перепродам. Заодно потешу низкие стороны моей многогранной души, потому как поизгаляюсь вволю при торге, – поясняет Енот, забирая кинжал у меня из рук и вертя его так и эдак.

Мент, невзначай как бы, разворачивается на тридцать градусов корпусом и теперь отлично видит, что у нас происходит.

– Я подумаю над предложением. То-то я смотрю – заковыристый трофей. Арабский?

– Нет, по ряду признаков – скорее турецкий, а может быть египетский, но в меньшей степени. Полагаю, что привезен с очередной войнушки против турок.

– С Крымской, как карабин? – не выдерживает подполковник.

– Возможно, хотя, судя по орнаментам на отделке, он старше. Судьба оружия неисповедима, но я бы скорее предположил, что это времена Суворова и Потемкина. А как он к вам попал? – спрашивает Павел Александрович.

– В стычке с парным конным патрулем. Меня этим ятаганом пытались зарезать. Да мой напарник его опередил, – излагаю я в стиле «боевого листка» суть сражения.

– Не забудь напарнику дастархан выкатить – от этих ятаганов раны получают неприятные, – убедительно вещает Енот. – Добротная отделка, богатая.

– Ну, это само собой, ты кинжальчик-то верни, – тянусь я за старинным ятаганом.

– Да не торопись, дай поддержать в руках зачОтный экспонат в кои-то веки, – отвечает хромой, уворачиваясь довольно ловко.

– Наконец-то! – громко и очень как-то по-начальственному говорит мент, которому его подчиненный приволок небогатый улов – длинную катану и достаточно аляповатую саблю.

– Вот, нашел! – гордо заявляет салобон, протягивая шефу найденное.

Мент с ходу передает оба предмета музейщику с вопросом – а эти как?

Павел Александрович скучно поясняет, мельком глянув на клинки и рукояти, что это продукция сувенирная, сталь паршивая, сугубо для вида, клинки закреплены, как положено в этих муляжах, на сургуче, то есть на фу-фу. Катану можно положить в трофеи – она хоть выглядит аутентично, а вот фэнтезийную саблю лучше не надо.

Мент недовольно жучит паренька, потом рация сообщает что-то приятное, он немного успокаивается и гонит незадачливого салобона на склад – помочь товарищу.

Со всеми этими делами вокруг уже собирается несколько группок из участников штурма. Вижу, что из наших майор пришел – видимо, должен присутствовать при съемках репортажа о возвращении Ропши в лоно цивилизации. У меня с детского возраста нелюбовь к официальным собраниям, потому я решаю, что если меня не будет в телевизоре, то ничего страшного не случится.

Отобрать ятаган у Енота не получается – он верток и упрям, ну да ладно, пусть тетешкает железяку. Потом заберу. Доложусь начальству, и если ничего нет для меня важного, то отпрошусь с торжественного мероприятия. Майор, в конце концов, лицо официальное, ему положено.

Подойдя поближе, понимаю, что немного неуместно – Брысь со всем запалом спорит с несколькими молодыми морячками. Лезть поперек, перебивать – нехорошо. Придется подождать. А то выйдет некрасиво, с хамским этаким отношением.

Прислушиваюсь к горячему спору. Ну, понятно, молодые предложили радикальные методы переустройства мира и Кронштадта с Ропшей, в частности, а умудренный уже майор их пытается вернуть из эмпиреев на землю. Вот как раз один из них – статный такой, ловкий морячок излагает замшелому консерватору основные принципы «Как должно быть вашета! Чтобы все в шоколаде!» Его приятели поддерживают.

Брысь печально смотрит на говорящих. Бердяева, очевидно, они не читали, а то бы им попалась чеканная и точная фраза: «Государство существует не для того, чтобы на земле был рай, государство существует для того, чтобы на земле не было ада».

Люди не понимают, что рая на земле быть не может, и никто его им не устроит. Хотя бы потому, что каждый представляет себе рай по-своему, да еще в придачу у каждого человечка в душе есть свой ад, который таскается на манер положенного по штату внутреннего органа.

Максимум, что люди могут получить – это отсутствие общего ада, для чего и создаются правила общежития, иначе называемые государством. И в любом государстве будут недостатки, потому как рассчитано по среднему, а маргиналы будут недовольны.

Мало свободы (а какой? для чего? или от чего?), мало тряпок, мало фана, у соседей сало толще и так далее. У майора, судя по всему, похожее впечатление, потому что он встречает:

– Понятие «эффективность» без полного набора критериев не имеет смысла. На самом деле никакая, даже самая людоедская система никогда не имеет единственного критерия – допустим, «прибыльность». Всегда подразумевается, что кроме получения прибыли надо еще остаться в живых, да еще иметь возможность потратить навар по своему усмотрению. А на самом деле критериев намного больше, и все должны быть удовлетворены. И это только про временщиков-людоедов.

А у нормальных людей критериев еще больше. Головной критерий – выживание и развитие общества, но сам он как таковой может быть рассмотрен только теоретически. Ведь мы не можем проводить натурный эксперимент, чтобы посмотреть, сдохнем мы или выживем-разовьемся. Хотя, похоже, некоторые считают иначе. Нужно представлять себе систему ходов, которые ведут к цели, и представлять, что как влияет на каждый шаг в этой системе.

Чтобы на максимально ранней стадии пресекать ненужные тенденции. Не говоря уже о том, что как можно больше потенциального вреда надо вычистить еще на бумаге.

– Вообще-то людоедская система и результаты может дать только людоедские, – замечает стоящий рядом с ним Александр.

– Точно! – кивает майор.

– И что, нам с ними цацкаться, – запальчиво тычет пальцем в направлении рыбных прудов матрос.

– Ты про рыб? Или про кроликов? Или про людей? – невозмутимо спрашивает у него майор.

– Про этих, ропшинских. На хрена нам о них печься? У нас своих забот хватает, – поддерживает сослуживца его сосед и, очевидно, приятель.

– Почему надо думать и по возможности заботиться о «чужих людях»? Элементарно! Интерполяция по типу «генеалогическое дерево» на достаточную глубину приводит к однозначному выводу, что «все люди братья без изъятия».

Ну, нет там, в прошлом такого количества предков, чтоб у всех были свои собственные, а общие были бы редкостью. Все строго наоборот. Но это так, лирика. А вот что там в будущем? Если у тебя есть сыновья и дочери, внуки, правнуки, то очень кстати задуматься о том, с кем они образуют пару и дадут потомство.

– Желательно, здоровое и красивое, – поддерживает нашего майора пожилой МЧС-ник. Я его немного помню – у него внучек выводок целый, аж четыре девчонки. Очень спокойные и послушные, просто диво.

– Да, но на крайняк хоть бы какое, – продолжает, кивнув, майор. – Кто обеспечит, чтобы те нормальные люди, которые в каком-то колене станут твоими родственниками, не попали бы под каток, выжили и дали более-менее обширный базис для продолжения рода твоим прямым потомкам? Государство? Филантропы?

Пусть сами крутятся?

Пусть так, но не кажется ли тебе, что ты тоже лицо заинтересованное и посильную лепту в это внести должен? Если не кажется, то ты – бионегативная гнилуха, несмотря даже на то, что ты думаешь не только о себе, но и о своих детях. Пусть не такая, как разные психопаты и пернатые гомосеки, но все же гнилуха. Таковая гнилуха бывает на почве собственной глубинной натуры, и поделаться с этим ничего практически нельзя. Но бывает, что человеку этот стереотип просто «навели».

Внушили, что малейший альтруизм есть не что иное, как позорное лоховство. И вот изнутри вроде что-то точит, а снаружи кнут «воспитания» в колею загоняет. Такие люди не пропащие, это понятно. Научитесь их распознавать – это полезный практический навык. Секрет почти любого выдающегося успеха – это кооперация людей на принципе полного доверия.

Это дает мощный синергетический эффект, повышает эффективность действий в разы и еще отдельной статьей в разы же (либо на порядки) снижает стоимость транзакции в сообществе. Когда не надо «доверять, да проверять», все движения идут в одно касание и практически бесплатно. А всего-то для этого надо собрать сколько-то нормальных людей, у которых из башки даже не все говно выбито, а только самое опасное.

Я знаю, о чем говорю, есть практический опыт.

Глава 5. Команда лекаря. Политика – какая она есть

– Ну да. Конечно, аж три раза, – топырится матрос. Остальные задумались, но вот переварили ли они эту мысль – не уверен.

– Еще разок суммируем. Если у тебя нет ресурсов, чтобы заботиться о ком-то, кроме своей семьи, то это просто тяжелый случай. А если тебе принципиально насрать на всех «чужих», то ты бионегативная гнилушка, – заявляет Брысь.

– Ага. Вон куда завернули! А тут всего-то политика сраная, – не соглашается матрос.

Видимо, он на свой счет принял «бионегативную гнилушку» и обиделся. Молодым вообще свойственно считать себя пупом земли. Это от детскости еще, дети же эгоисты все – вот молодые это ощущение и сохраняют. Дескать, они такие хорошие, что все должны быть им рады и «должны по жизни», а вот они – они уже сами по себе подарок и никому ничего особенно-то и не должны.

– Продолжаем спонтанный ликбез, – отвечает, кивнув, Брысь. – В очередной раз услышав определение, что политика – это искусство сношать мозги, при всей огромной доле актуальной справедливости, заложенной в данном определении, вынужден возразить. Не надо так яростно жить сегодняшним днем. Надо смотреть ширше и дальше, иначе толку не будет. «Политика» – это греческое слово, означающее науку об управлении городом. Полис – слышал такое слово?

– Ну, – мрачно бурчит спорщик.

– Такое домоводство в масштабе государства. Понимаете? Водопровод и канализация – это политика. А засрать мозги охлосу и искусно вести интриги в верхних эшелонах – это бантики. Вам постоянно внушают, что вот это мутное облако наверху – это и есть политика, там все решается. А это не так. Можно было, кстати, догадаться. Допустим, что «политика – грязное дело» – это горькая правда.

Но если бы и так, кто бы вам, дурашкам, эту горькую правду совершенно бесплатно по ящику каждый день рассказывал? Они что, филантропы? И, кстати, человеку, который твердо помнит, что политика – это наука об управлении городом, гораздо труднее впарить, что делать из коммуналки бизнес – это нормально. Тут два и два быстро складывается. Иное дело, если политика – это грязные эмпирии. Тут уже однозначность так не торчит. Будьте бдительны. А этих еще можно наставить на путь истинный, – усмехается майор, поглядывая на дома и улицу.

– Они тут все людоеды, – зло говорит дружок матроса.

– Нет, не все. На всех тупо мяса не хватило, – поясняет МЧС-ник.

– Да и к тому же обыдличивание не только здесь имело место. Так что ж – всех обыдленных расстреливать? – уточняет майор у соседа.

– Думаю, не ошибусь, если ничего не скажу! – отвечает тот.

– Разумно.

– Разводите тут опять демократию, – ворчит матрос.

– Еще ремарочка. Ни черта не демократию, уважаемый. Почему демократия – это паршиво в принципе? Оставим в стороне нюансы, а рассмотрим только один принципиальный вопрос. Если с результатами выборов мухлюют – то что? Выборы происходят весьма часто, об этом пидоры позаботились. Если нам показалось, что нас надули – устраивать революцию?

А вдруг только показалось? А даже если и нет? Не мудаки ли мы будем лишь только по факту устройства бузы в собственной стране? Искушенные люди точно знают, что да, будем. Тогда что – засунуть язык в жопу, пусть дальше мухлюют? Это власть народа? Выхода нет – понимаете, его просто нет. Или бесконечные «оранжевые революции», или сами понимаете. Так что нет, не демократию.

Неудобно лезть в спор, больно уж увлеклись. Да ладно, мы ж не в армии, в конце-то концов. Майор меня видел, ничем не нагрузил, значит можно действовать самостоятельно. Поправляю нагретый на солнце автомат и иду туда, где оставил джипик. Народу на улицах немного, но местные стали вылезать уже, особенно их никто не жучит, но в целом освободителей как-то цветами и впрямь не встречают – смотрят настороженно, особенно вижу косые взгляды на форму милиционеров.

На всякий случай проверяю свою снарягу и оружие – делаю это на ходу. Привычно уже. В автомате – полный рожок, а в пистолете – полный магазин. Порядок и полная боеготовность! Поселок уже взят и, что называется, контролируется, но чем черт не шутит, когда бог спит. Благодушествовать меня отучили уже давно – пожалуй, еще на скорой когда работал. Можно расслабиться дома в постели.

А тут, хоть все и мирно, и наших полно, и машины сигают по улице, старательно объезжая жуткие дыры в асфальте, но может быть всякое – от затаившегося людоеда до заблудившегося шустера. То, что погода ласковая, и безветренно, и солнышко греет, да в придачу станиолевые полосочки придают пейзажу легкомысленно-праздничный вид, обманывать не должно.

Так что посматриваю по сторонам, а вокруг чего только не творится – а что еще может твориться в взятом поселке? Ну да, и тырят что-то, и тянут – слева менты волокут какие-то ящики из невзрачного сарая и весьма поспешно грузят их в тентованный Камаз, справа звон стекол, брань.

Бабий визг и причитания – из дома на пинках вышибают мужика в камуфляже, вслед ему летит голубая эмалированная кастрюля и вроде даже со щами, плещет жижа из нее в полете. На всякий случай подбираю автомат поухватистее, но туда уже бегом прет патруль ближайший, и начинается ор и размахивания руками. Благо пара бабенок из дома подключается к скандалу. У мужика в камуфляже на рукаве рыжая повязка, так что из наших, надо полагать.

Хотя повязку-то снять и нацепить – дело недолгое. Переодевания во время войны – азбука разведки и диверсий. Ну, да тут и без меня разберутся. В общем-то я ожидал куда как больших беспорядков в поселке, взятом «на шпагу». Ни тебе резни, ни повальных изнасилований. Вот тягать всякие вещи – это да, тягают. Как, например, эти два паренька деловито и целеустремленно прут мимо меня клетку с кроликами.

Настоящий грабеж я вижу после – когда сворачиваю с основной дороги, проходящей сквозь Ропшу, и иду на выселки. Что меня удивляет, тут коттеджный поселок на берегу мелкого пруда куда как богаче. Вот тут наши довольно шустро тянут из коттеджей что попало. Намусорено сильно всяким разным. Неприятно напоминает начало Беды – тогда тоже на улицах валялись всякие предметы домашнего обихода, от подушек и белья до почему-то мебели и массы всяких бумажек.

Странно – богатствие тут в глаза прет, а вожаки жили в гораздо более скромных домиках. Хотя тут, на окраине, явно безопасность ниже, лес-то неподалеку. И тот самый домик на окраине, что мы сегодня с безногим штурмовали, совсем недалеко. Странно, что тут как-то многолюдно по сравнению с основным поселком. Избыточно многолюдно. И публика какая-то странная – большая часть сидит и стоит на площадке у здорового ангара. Выглядят как-то непонятно – я бы издалека их принял за зомби, такие же бомжеватые.

И наших – с рыжими повязками – тоже много. И как-то они настороже вроде.

– Это что за публика? – спрашиваю я у стоящего неподалеку парня в флотской форме.

Он окидывает меня орлиным взором и до ответа не снисходит. Ну и ладно, не ровен час, попадется он мне в лапы – намажу ему уши зеленкой...

В гуще этой публики, что сидит у ангара, ведется какая-то работа – словно отбирают кого-то. Иду мимо, поглядывая на странное и непонятное для меня действо. Запашок, к слову, от этой кучи грязнуль застойный – застарелой грязью пахнет. Но подойдя ближе, замечаю,

что этот странный народец не однороден – есть и те, кто почище, они стараются держаться наособицу, не смешиваясь с грязными.

Поодаль сидят на садовой дорожке и вполне чистые, но их точно охраняют со всем тщанием: и автоматы наизготовку, и руки свои все сидящие держат на головах. О, а парочку вообще под явным конвоем ведут к тем – сидящим под охраной. Один из конвоируемых в камуфляже, второй в гражданке. И взгляды у них какие-то скользко-боязливые.

Совершенно неожиданно один из сидящих бомжей подскакивает и кидается на того, что в камуфляже, вопя хрипло и злобно:

– А-а-а-а, Чмаренко, сбылось, сбылось! Я верил, сука, что будет!! Вот тебе! – и вцепляется в рожу отшатнувшегося от неожиданности камуфлированного ногтями. Отпихнутый стремительным толчком-броском конвоир от неожиданности, мелко перебирая ногами и чуть не упав, отлетает в сторону спиной вперед.

Камуфлированный бьет коленом по яйцам своему обидчику, явно мажет, потом лупит кулаком, но тоже мимо, и вот уже парочка вцепилась друг в друга и трясет за грудки. Не, драчуны из них никакие, хотя визжат и плюются друг в друга, благо на такой дистанции не промажешь.

Растерявшийся от этого конвоир, недолго думая, с размаху дает прикладом в лоб бомжеватому участнику, и – не обижая второго – бьет и ему прикладом по башке. Камуфлированный переносит удар стоически – башка, видно, крепкая, а бомж валится в полубоморочном состоянии, но так и не отцепившись от врага. К месту инцидента подбегает несколько человек, отвешивая немилосердно пинки и затрещины обоим сцепившимся, отдирают противников друг от друга.

Бомжеватый остается лежать на земле, закатив глаза и постанывая. Камуфляжный размывает кровищу из царапин по морде. Неприятная у него морда – тупая, упертая и злобная, квадратная такая морда. Вроде даже видал я ее когда-то. Но как пациента не помню.

И черт с ним. Мало ли в мире неприятных рож. Вот тот, что на земле лежит, похоже, получил крепенько. Не успев подумать толком, подхожу к валяющемуся на земле, поливаю ватный шарик нашатырным спиртом и подношу к носу бомжа. Тот мигом приходит в себя, вертит башкой, чихает и, не успеваю я разогнуться, как он хватает меня за рукав и начинает опять вопить непонятное:

– Вот он, вот! Он нас этим людоедам сдал. Я узнал его, он поставщик! Он нас сюда привез, Чмаренко, гляди! Вот он, я его узнал!! А-а-а-а, ты думал, тебе это сойдет! Держите его, он из этих ментов-людоедов!

У меня от рывка сваливается с плеча автомат, тыкается стволом в лежащего, и тот заводит визг уже почти ультразвуковой:

– Спасите, убивают, убивают! Сокрытие! Я свидетель! Держите его, держите, не дайте ему стрелять! Чмаренко, держи. Держи!

Тут совершенно неожиданно кто-то вцепляется в меня сзади, и я чуть не падаю, потому что в такой позе устойчивость у меня аховая. Успеваю только заметить, что, судя по камуфляжу штанов, сзади меня – это как раз подоспел поцарапанный Чмаренко.

Да что они тут – с ума посходили, что ли? Но это раньше я был смирный и добрый, события последних месяцев многому научили, поубавилось гуманизма-то. Тут лежащий пытается дать мне кулачком в глаз, но я успеваю наклонить голову, и вместо глаза кулачок втыкается в край каски, козырек. А, больно? Ну, сами напросились!

Тяжеленный Чмаренко давит к земле, бомж тянет за рукав – ладно, будет вам и белка, будет и свисток! Просто сгибаю ноги, падаю достаточно быстро, чтобы под тяжестью туши Чмаренки, земным притяжением и моим собственным весом колени попали куда надо: левое – в шею бомжа, правое – по другую сторону тянущей меня за рукав руки – в ребра.

Есть, обмяк, скотина грязная, теперь сопящий Чмаренко остался. Так, он тоже хорошо стоит, давит на меня, а вот за своими яйцами и не следит, а они аккурат у меня под локтем оказываются, ну грех не врезать. И я бью локтем, и еще, и еще. Все, свалился с меня, затянул что-то вроде «у-ю-ю-ю-ю-ю-ю». Отскочить в сторону не получается – натыкаюсь на кого-то сзади, и меня мигом берут под белые руки. Да так крепенько, что особенно дергаться неохота.

– Что тут происходит? – ну ясно, какое-то начальство пожаловало. Хороший голос такой, командный. Незнакомый, что хуже.

До меня начинает доходить, что я вляпался в какую-то очень мутную и явно неприятную ситуацию. Два других фигуранта у меня не вызывают ни малейшей симпатии. Черт меня дернул с нашатырем соваться. Шел бы себе мимо...

Что особенно паршиво – у меня ловко выдергивают из кобуры пистолет, точно так же ловко сдергивают автомат, отщелкнув карабин ремня. Хватко, ничего не скажешь. И за руки держат крепко. И общая картинка не воодушевляет. Оно, конечно, у всех тут рыжие повязки. Но знакомых рядом нет, и мне все это очень не нравится.

– В ходе конвоирования двух пленных из людоедов на одного подконвойного свершил нападение ранее задержанный раб. Потом они вдвоем накинлись на этого вот, обвиняют его в помощи людоедам и поставкам им живых людей. Говорят, что он их обоих людоедам привез, – достаточно складно приводит к внятному объяснению все тут творившееся парень-конвоир.

– Ваши документы? – весьма недружелюбно спрашивает у меня старлей. Судя по форме – из ржевских. Хотя тут не только с полигона люди.

– Не могу достать – руки держат, – отвечаю я ему.

– В каком кармане ваши документы? – игнорирует мои пояснения старлей.

– Сначала предъявите свои – на право проверки, – пытаюсь соблюсти лицо я.

Вместо ответа старлей кивает башкой. Стоящий с ним чувак без знаков различия бесцеремонно, но умело обыскивает меня. Ну вот, и «Малыша» с меня сняли, и рации я лишился. Здорово, ничего не скажешь. Старлей берет в руку мое заламинированное удостоверение. Удивленно смотрит:

– Из охотничьей команды? Кронштадт? Интересное кино. И что скажете по поводу обвинения в сотрудничестве с людоедами? Двумя свидетелями, что характерно.

Бомжика тем временем привели повторно в чувство – то ли посредством поднятой с земли ватки, то ли несколькими хлесткими пощечинами, благо применяли все сразу.

Сидит. Мотает башкой.

Чмаренко тоже вроде стал в себя приходить. Сейчас начнут бочки катить. А я так и не понимаю, в чем суть дела. Не возил я людей для сектантов, точно знаю. Я бы запомнил, если б что такое было.

Уверен.

– Скажу, что понятия не имею, кто вы такой и с какой стати ваши люди меня обезоружили и держат, – говорю по возможности спокойным голосом. Вроде получилось.

– Неправильный ответ. Вопросы здесь задаю я. И вам лучше отвечать, а то придется вас, как весьма подозрительное лицо, отвезти к нам и разбираться на месте, – давит старлей.

А мне сразу же в голову приходит разговор – совсем недавний, если судить по часам, и бывший сто лет назад, если по ощущениям.

Разговор Ремера с Ильясом по поводу допроса пленных. Этот старлей явно в курсе, как оно должно быть. И да, если кому интересно – мне вообще-то очень неуютно.

И да, я чувствую себя паршиво. Очень. Впрочем, за сегодняшний день это чувство возникает уже не впервой, этак и привыкну, будь оно неладно.

– Не припомню за собой поставки живого товара местным деятелям. Это не входило в круг моих обязанностей, – отвечаю по возможности вежливо. Вот есть люди, которых надо

криком брать: переорал – победил. А есть, которые ором не прошибаются. Я чувствую, что старлей из вторых, и на глотку его брать не резон.

– Привели его в сознание? – не поворачивая головы, с ленцой, спрашивает старлей тех, кто возился с рабом.

– Так точно, – четко отвечает один из возившихся. Дисциплинка у них.

– В чем вы обвиняете этого человека? – по-прежнему смотря мне в глаза, спрашивает бомжика старлей.

– Вот Чмаренко подтвердит! Он нас привез к людоедам! Нарочно! И другие были из их этой банды! А тут нас в рабство! Мы так пострадали! Это невыразимо! Мы здесь так страдали! Как последнее было! В рабы, представляете? И все из-за него! Он привез! – начинает выпаливать раб, оживая с каждой минутой.

– Стоп! – говорит старлей бомжику, потом говорит мне:

– Обвинение очень серьезное, потому я вас вынужден задержать до выяснения обстоятельств.

– Я настоятельно требую довести до моего руководства факт моего задержания, – отвечаю ему. Вот сейчас голос вроде у меня нормальный получился. Ну, во всяком случае я так надеюсь.

– Вы не в том положении, чтобы что-то требовать, – заканчивает разговор старлей.

Тепло это у него прозвучало. Сволочь, как оно все гадко выходит. Даже еще гаже. Старлей тем временем кратко раздает приказы – сейчас нас троих разведут в разные помещения и допросят. Замечательно.

Видел я уже сегодня допросы, ну его к черту в них участвовать, да еще в виде обвиняемого. Смотрю во все глаза, но ни одного знакомого лица рядом. И в общем публика ко мне настроена недружелюбно, на физиономиях это просто написано. И то, что меня сопровождают двое таких недружелюбных, оптимизмом меня не заряжает.

Глава 6. Вляпался!

Путешествие недалеко ведет – до небольшого сарайчика. Не то гараж собирались делать, не то стройматериалы хранили. Окошек нет, вход один. Вроде как сзади еще комната, сарайчик-то этой комнатухи поболее будет. Из всей мебели только две упаковки с пенопластом. Меня еще раз обхлопывают, теперь я остаюсь уже без разгрузки со всем барахлом и санитарной сумки. Но не снимают сами, как повыдергивали у меня оружие.

Дают самому снять. Мысля какими-то судорожными огрызками, вспоминаю, что отняли у меня только общую рацию, а вот гарнитура с причиндалами от блондина еще на мне, да и подарок от инженера тоже. Вот уж воистину – пошел по шерсть, вернулся стриженным. И вопрос еще – вернуться пока не выходит.

Единственное, что я успеваю сделать, снимая с себя свое добро, так это на блондиновой гарнитуре включить «на передачу». Еще успел из кармашка медсумки пихнуть себе в карман недавно подаренную мне маленькую рацию «ежицу». Вроде не заметили – я к ним боком стоял, а лямка сумки у меня за край каски зацепилась как бы случайно.

– Странные вы люди – надо же, как вам понравилось меня щупать, не можете оторваться. С ориентацией у вас все, надеюсь, в порядке, а то я уже попугиваюсь, – заявляю старлею с некоторой наглостью. Прекрасно понимаю, что пытаюсь так отделаться от чувства страха, которое у меня сейчас основное в эмоциях. Надеюсь, что оппоненты этого не заметили.

– Я вот тебе, сука, покажу нашу ориентацию. Сейчас тебе зубы выбью, и ты их проглотишь, – резко отвечает один из мужиков, которые меня обыскивали, и делает шаг вперед, делая реальный замах рукой.

В последний момент, когда уже кулачище летит мне в нос – а я и не успел даже зажмуриться, не то что закрыться, слышу резкое «Отставить!»

По морде я не получил. Мужик начинает возмущаться тем, что ему не дали меня проучить за хамство, старлей утешает его тем, что еще успеют. Мне велено сесть и помалкивать. Сажусь на пол, но раз по морде не получил, продолжаю разговор.

Я не припоминаю за собой поставок мяса людоедам. А вот если кому-то в руководстве того же ржевского полигона нужно сравнить своих с Кронштадтом, если это просчитанная провокация – это самое паршивое, что возможно. Или паранойя? Но взаимоотношения с анклавами непростые, а политика, что бы ни говорил майор, не только водопровод и канализация, но и драка за власть и влияние.

– Так что вы там говорили про мое положение? – цапаю я старлея.

Нет, не потому, что я безголовый отморозок – просто надо понять к чему дело идет. И чем раньше пойму – тем лучше. Если начнут бить, то дело паршиво. Если не будут – не так все плохо.

– Пиковое у вас положение. Особенно когда эти двое хмырей дадут внятные показания, которые потом еще и подтвердятся, – отвечает старлей.

– Забавно. А если не подтвердятся? Я понимаю, что если, конечно, вам дана задача устроить свару между ржевским анклавом и Кронштадтом, то тогда вина моя вам побоку.

– Думаете, что мы опустили бы до такой низости, как подстраивать провокацию? – обижается достаточно убедительно старлей.

Играет или нет?

– Этим серьезные государства, обеспокоенные своим престижем, не брезговали. А я к вашему анклаву отношусь с уважением, – говорю я сущую правду. У ржевских до хрена серьезной бронетехники, контролируют кусок КАД, устояли грамотно – есть за что уважать. Вот условия жизни у них в разы хуже, чем в Кронштадте: людей поменьше, выхода к воде нет.

– И когда это серьезные государства подлянки устраивали? – хмыкает старлей. По-моему, он не то, что тянет время, а ждет кого-то.

– Ну, загибайте пальцы – самое известное: немцы перед нападением на Польшу устроили нападение своих ребят из эсэс в польской форме на немецкую радиостанцию в Гляйвице. Перед нападением на Бельгию акkurat 9 мая 1940 года бомбардировали свой же город Фрайбург, объявив потом о том, что это бельгийцы. Для того чтобы втянуть в войну с СССР Венгрию, провели бомбовый удар по городу Кошице... – начинаю я словесный понос, безуспешно прикидывая – успею ли я выскочить и можно ли сейчас задать лататы.

– Это немцы, – обрезает меня старлей.

– Извольте – американцы перед нападением на Ирак показали пробирку с белым веществом как доказательство наличия у Ирака сразу и химического, и бактериологического, а заодно и атомного оружия. Перед нападением на Вьетнам организовали тонкинский инцидент, где их якобы обстреляли. Читали коды японцев как азбуку. Но вот незадача – прошляпили вдруг нападение на Перл-Харбор, успев как-то убрать оттуда авианосцы, спасая самое ценное имущество.

А до того «Лузитания» потопла. И вроде как перед этим немцам стало известно, что она везет боеприпасы. А еще раньше очень вовремя крейсер «Мэйн» вдруг взорвался. Как раз был очень нужен повод начать войну с Испанией. И удивительно – погибли только рядовые матросы, а офицеры почему-то все оказались на берегу...

– Подкованный, – хмыкает старлей.

Мрачный мужик, рвавшийся надавать мне по зубам, смачно плюет на пол. Не в меня, но близко.

– Когда сидели в осаде в Петропавловке, наслушались от музейных работников всякого, – отвечаю я, видя, что старлей не рвется меня допрашивать, а скорее ждет кого-то.

– Понятно. А теперь помолчите, – заявляет старлей.

– Как скажете.

Прислоняюсь к стеночке, начинаю подремывать демонстративно. Получаю пинок ботинком – несильно и не очень больно, но спать после этого уже не хочется.

– Не спать! – говорит тот из конвоиров, что не злобился.

– Почтенные, а вы в курсе, что у нас главврач очень не любит, когда медиков обижают? – уточняю я у присутствующих.

– А нам это похер! – заявляет злобный.

– Угу. До того, пока хворь не начнется. Старлей, если вам велено обострить ситуацию, то тогда оно все понятно. А если это ваша самодеятельность, то как бы вас потом не взгрели бы за рвение. Худо-бедно за месяц ваших пациентов через нас прошло 122 с разной патологией. Да еще наши к вам ездили вакцинации проводить – четырежды, между прочим. А так вы постараетесь – глядишь, и кончится такая лафа. Не боитесь? Я уж молчу о том, что постараюсь, чтоб непосредственных участников действия точно не принимали или по тройному тарифу.

– Вы либо очень наглый, либо терять нечего и хамите напоследок, – отмечает старлей.

– Ни то ни другое. Просто вы меня разозлили, – говорю я чистую правду.

– Ишь, какой нежный, – хмыкает старлей.

– Никак нет. А вы прикиньте по себе. Ежели я обвинил бы вас, скажем, в том, что это вы сдали взвод ваших людей сектантам. Как оно вам понравилось бы?

– Угрожаете? Угрожаете тем, что когда вас расколют, потянете за собой всех, кого захотите? – поддавливает меня старлей.

– Нет. Показываю, что обвинение проще выдвинуть, чем опровергнуть. А кроме того, я с вами чай не пил, вы с меня сняли кучу ценных вещей, потом, когда разберетесь, вернете всякого говна драного – дескать, это и снимали. Вы ведь даже опись изъятого не составили.

Потому с чего мне радоваться. И опять же – вот сейчас окажется, что кому-то помощь оказывать надо, а я у вас тут сижу, потому не оказание помощи ляжет на вас.

– Слышь, командир, давай я все-таки этой птице-говору по зубам дам? – с надеждой спрашивает злобный.

Старлей всерьез задумывается над этим предложением, потом все-таки мотает головой отрицательно. Так, что у нас получается? Понятия не имею, что получается, опыта ведения допросов у меня шиш, только то, что от кого-то слышал.

По ощущениям – вроде как старлей тоже не шибко силен в этом вопросе. Мне болтать дал свободно, но главное не это – хоть они меня и обыскали дважды, а рацию я затаил, шнурки с ботинок у меня не сняли, а даже на дивизионной гауптвахте это делали, и вроде как в уставе гарнизонной и караульной службы у задержанных положено отнимать все. Тем более то, чем они могут причинить вред себе или охране.

Те же шнурки, например, – чтоб не повесился задержанный или, еще хуже, не надумал с удавкой на караульного напасть. То есть даже уставные нормы не выдержал старлей. Или выдержал? Если честно говорить, то из этого устава запомнилась мне только напевная фраза: «Слыша лай караульной собаки...»

Тьфу, лезет в башку всякая ересь. Но вот что дальше делать? Оно, конечно, пока все тихо и, в общем, мирно, но люди после Беды нервные, дерганные и с очень растрепанными нервами. Нет, сейчас даже психопаты уже уgomонились – ну, или их уgomонили, и таких эксцессов, какие были в первый месяц после Беды, уже гораздо меньше. Тогда я бы и удивиться не успел, а меня этот злобный уже пристрелил бы. Сейчас вроде такая угроза не первоочередна.

Старлей со злобным уходит – что-то старлею его рация напела; оставшийся конвоир садится на тук с пенопластом, закуривает. Очень хочется вытянуть рацию и возопить СОС, но вижу, что не успею. За стеночкой у меня за спиной какой-то бубнеж – точно, там другая комната оказалась. Патовая ситуация. Ни рыпнуться, ни кинуться, ни удрать. С одной стороны, меня искать будут. Но не скоро – пока не соберутся ехать на базу.

То есть самое малое – несколько часов пройдет. За это время можно со мной что угодно сделать. Стрелять просто так не будут, а вот встречу с зомби устроить – раз плюнуть. И вроде как не при делах. Да и мало ли что бывает. У нас вон, прапор в разведбате дивизионном дедов дрючил жестче, чем салабонов, а потом вдруг утонул. Якобы в ноябре купаться пошел. И все шмотки свои на берегу разложил в образцовейшем уставном порядке. И следов никаких...

Не, пока себя хоронить не стоит – это мы всегда успеем. Чего-то ждут, даже не допрашивали. Чего могут ждать? Ну, наверное, сначала должны собрать на меня компромат. Обвинители должны растолковать, что они могут на меня выкатить. Значит, пока будут допрашивать сладкую парочку. А вот потом за меня примутся. И за эти несколько часов, пока наши чухнутся, меня и увезти отсюда могут, и мало ли что. С другой стороны, морячки из Крона эту сценку видали, так что следочек остался. Интересно, вся эта сцена была все же спонтанной или постановкой? Нет, мне кажется, что для постановки все же слишком хорошо разыграно. Значит – не провокация? Если б была провокация, утянули бы меня по-тихому, я бы и не мяукнул.

Или нет? Черт, все эти тайные дела мне вообще-то неизвестны, разве что читал еще в армии Богомолова «Момент истины». Но это не учебник – раз, во-вторых, мне тут не поможет. А то, что захватившие меня не очень-то грамотно исполняют нормы устава гарнизонной службы...

Или я путаю, и нормы по Дисциплинарному уставу? Так вот, может быть, это и впрямь не просто провокация, а какое-то недоразумение. Опять же – не сняли с меня шнурки... Ну, бывает и не такое. Вот Рокоссовскому и его штабникам солоно пришлось, когда привели пленного немецкого генерала. Тогда было очень важно пленить Паулюса, и всех старших немецких офицеров, попавших к нам в плен, допрашивали на тему, где тот находится. Вот и пленного

командира дивизии, отрекомендовавшегося генерал-майором фон Дреббером, сразу же доставили к Рокоссовскому. Дреббер знал, где находится Паулюс.

Пунктуальный начштаба Малинин уточнил, почему у генерала полковничьи погоны. Дреббер ответил, что приказ о присвоении звания он получил радиогаммой, а вот найти погоны не получилось в горячей ситуации – дивизию его наши как раз громили. Малинин предложил документально подтвердить сказанное про радиогамму, и генерал этот стал искать ее по карманам. Залез в один свой карман, достал парабеллум, положил на стол; полез в другой, вынул оттуда вместо бланка радиогаммы пистолет поменьше – вальтер, положил и его на стол. Малинин уже и не рад был, что спросил – наверное, ожидал, что из следующего кармана немец достанет гранату, но тут, наконец, нашлась искомая бумажка, и все вздохнули – надо думать, с облегчением.

По свидетельству одного из штабников, они в тот момент ежа родили против шерсти. Они-то были безоружны, а охрана стояла за дверью, и окажись пленный настоящим воином – вынес бы штаб Рокоссовского в минуту.

И на удивленные возгласы слушавших этот очередной рассказ Павла Александровича о лопуховстве захвативших генерала разведчиков музейщик мудро заметил, что, во-первых, брали того не разведчики – там дивизия капитулировала, потому брала пехота. Во-вторых, это был все-таки генерал, не в смысле – вообще первый, но первый из Сталинградской группировки, сдавшийся со своим соединением; в-третьих, никто не знал толком, как обращаться с пленными такого ранга в то время; в-четвертых, никто не ожидал, что у генерала фон Дреббера будет с собой такой арсенал; в-пятых, такой фамилии не было в списках разведотдела (генеральское звание командир дивизии получил незадолго до пленения). Да еще в придачу фамилию переврали и выдали аж в четырех разных вариантах, ну и, наконец, для того и ошибки, чтобы на них учиться.

За стенкой внезапно раздаются весьма узнаваемые удары и затрешины – явно кого-то лупят всерьез. Судя по тому, что слышу, – хорошо лупят. Затрешин с оплеухами я за последнее время наслушался. Народ стал на руку невоздержанным. О, а сейчас пара пощечин прошла – они звонкие такие, в отличие от тупых, гаснущих в мясе кулачных ударов. Голос с хрипотцой вдруг громко и отчетливо орет:

– Я Родине одиннадцать лет служил!

И тут же снова затрешины. Голосок-то я опознал – это голос того самого Чмаренки. Хорошо орет. Воодушевленно. Даже я бы сказал – артистично. Значит, его уже допрашивают и в ходе допроса колотят. Понятно, следующей будет моя ария.

Нет, что-то слишком уж до хренища за один день приключений! Да и приключения-то не слишком веселые, прямо можно сказать. С удовольствием бы без них обошелся. Что самое кислое – еще не закончилась веселуха, самая радость впереди ждет, когда, наконец, за меня примутся всерьез, а примутся, надо думать, уже скоро, потому как за стенкой затрешин больше нет. А вот бормотание вроде как слышу...

Или кажется? Так, надо собраться, проанализировать ситуацию. Трудно анализировать: мысли разбегаются, во рту пересохло, и мандраж определенно есть. Что может быть дальше? Дальше вряд ли меня будут кормить пряниками. Меняю позу, локоть ощущает что-то твердое в кармашке.

Опа! Я ж совсем из вида упустил! «Что там в кармаш-ш-шке, моя прелес-с-сть?» А в кармашке перстеньки, про которые я и думать забыл. Трофей-то трофей, да в моей ситуации как бы это на отягчающее обстоятельство не потянуло, тут всякое лыко в строку. То, что их не обнаружили при шмоне – это временно.

Если все пойдет плохо, то и шнурки снимут, и рацию найдут, и перстеньки эти чертovy... Что говорил покойный Сан Саныч? Чем дольше находишься в плену, тем сложнее удрать. Стоит тянуть время в расчете на то, что ситуация прояснится? Ага, сейчас зайдет старлей и

принесет извинения и все такое. Сомнительно что-то. Шпиена же поймали, так что вряд ли старлей будет решать – тут кто-то покомпетентнее будет думать.

Обострить ситуацию? Часовой вроде флегматичный – сидит, покуривает. Но видно, что не тюфяк и автомат держит привычно. Потому кидаться в побег – не выйдет. Нападать на часового...

Нет. Не выйдет. Я не рукопашник, а он меня помоложе, двигается хорошо. То есть это для него хорошо – пружинисто, гибко, значит – тренированный. Да и само по себе нападение на часового ни разу не в мою пользу будет. Не говоря о том, что он может меня просто тупо пристрелить – люди нынче нервные. А если просто спокойно и не торопясь пойти на выход?

На шарап? Нет, не катит, я бы сам на его месте приложил бы наглого хама прикладом. Против вооруженного с голыми руками лезть – это не для меня.

Видел я пару раз в зачистках, как прикладом зомби гасят. Впечатлило. Что делать, вот в чем вопрос! Но сидеть просто так тоже не годится совершенно. Я не курочка-несушка в гнезде, от моего сидения никакой пользы не будет. Думать, думать. Думать!

Глава 7. Сюрва Ирина. «Кого знаешь на раене?»

Ирку из задумчивости вывел голос десятника, который сказал:

– Забавно, впервые беркемоид встретился – выживший. Столько их перед бедой было, а из них всех – вот только ты и есть.

– С чего это я беркемоид? – возмутилась Ирина. Потом тут же уточнила: – И что это такое – «беркемоид»? – потому как разумно решила, что прежде, чем ругаться, надо бы сначала понять – может, это вовсе и похвала какая-то. Слово ей было явно незнакомое.

Сидевшие за столом ухмыльнулись, как по команде – каждый по-своему, кроме, пожалуй, кудлатой напарницы. Нет, судя все же по выражению лиц – не похвала это ни разу.

– Писатель был такой до Беды, Беркем-аль-Атоми звали. Ужасы писал почище, чем Стивен Кинг. Вот у него был такой персонаж – выживать взялся в одиночку: каждый сам за себя, один бог за всех. Ну и кончилось все плохо, разумеется – угробили этого персонажа превосходящие силы противника, то есть сюрвайверство такое одиночное писателем...

– Говорят, что Атоми была женщиной, – вставил худощавый очкарик.

– ...выведено было, как проигрышное изначально, – игнорируя вставку, продолжил десятник:

– И при чем тут я? – твердо решила довести до логического завершения непонятную и неприятную ей сценку Ирина.

– При том, что после прочтения книжки тысячи читателей сделали совершенно противоположный вывод: надо спасаться в одиночку, делать схроны и чуть что – прятаться в глуши. Твой муж, случаем, эту книжку не читал? – посмеиваясь одними глазами, спросил десятник.

– Не видела такого. Вот фильм «Дрожь земли» часто смотрел, нравился он ему. Ну, то есть и сейчас, наверное, нравится, но в деревне без электричества не шибко посмотришь, – немного путано пояснила Ириха.

– Понятно, сюрвайвелист, значит. Это, пожалуй, лучше, чем беркемоид.

– Да что ты прицепился – другие на футбол ходят, а мой вот такую себе дачу завел. И мы тоже хлебнули, много всякого было. Вам-то в городе проще было: и жратвы дармовой от пуза, и оружия тоже, и всего разного, а у нас все по счету и всего не хватает. Соли с сахаром до зимы в лучшем случае хватит, а потом только «Вискас» кошачий и останется. Огороды вон посадили. Так ни удобрений, ни семян в достатке... И работнички – курам на смех.

– Заткнись! Много вы там хлебнули! – зло сказала кудлатая брюнетка, резко встала из-за стола и почти бегом выскочила из комнаты.

– Чего это она? – искренне удивилась Ирка.

– У нее вся семья погибла. Каждый день – по человеку. За неделю она одна осталась. Потом попала к нехорошим людям. Потом вот к нам прибилась, потому ты поаккуратнее с ней – она хорошая девушка, и сравнивать ваше сидение в лесу...

– У нас тоже и зомби, и бандиты! И до херища! – огрызнулась Ирина.

– Твои родные живы? – обрезал ее десятник.

– Нет, я их задолго до Беды схоронила, так что не надо мне тут...

– Ладно, проехали, – мудро решил старший.

– А как оно тут у вас было? – тоже сбавила градус накала чуткая Ирина.

Она вспомнила слышанные ранее от соперницы правила обращения с мужиками и решила прикусить язык. Ругаться сейчас было и бесполезно, и даже вредно. Не время и не место. С одной стороны, ясно, что она, в случае чего, и к другой команде сможет записаться, но «от добра бобра не истчут» – как говорила, забавно коверкая слова, покойная мама.

Здесь, в принципе, и снабжение ничего, и боеприпасами она разживется, и сотрудники вполне гожи, да и она себя уже показала с хорошей стороны. Не стоит все рушить.

– По-разному, – охотно отозвался десятник, очевидно тоже решивший не накалять зря обстановку, тем более – имея дело с женщинами.

– Два дня по всему городу сигнализация выла. Пока аккумуляторы не сели. Мертвяки ж на шум подтягиваются, вот у каждой сигналящей машины они очень быстро скапливались. Много народу так до своих машин и не добрались. И собаки выли. И лаяли, как заведенные, – заметил очкарик и поправил привычным движением очки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.